

Иван Державин

*Любовь
распята*

Я должен жить

Иван Державин

Любовь распята. Я должен жить

«Издательские решения»

Державин И.

Любовь распята. Я должен жить / И. Державин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748377-7

Повесть «Любовь распята» — первая книга хроники постсоветских времен «В круге втором». Надя и Костя любили друг друга с детства и мечтали прожить всю жизнь вместе. Но жизнь распорядилась иначе. В 16 лет Надю выкрали для потехи нового русского. Не вынеся позора, она покончила с собой. Что мог сделать в такой ситуации Костя?

ISBN 978-5-44-748377-7

© Державин И.
© Издательские решения

Содержание

Вместо пролога	6
Глава первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Любовь распята Я должен жить Иван Васильевич Державин

© Иван Васильевич Державин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Книга первая хроника постсоветских
времен «В круге втором».**

Россия-Сука, ты за все ответишь

А. Снявский,

Эта страна должна испить всю

горькую чашу до самого дна

Е. Ясин

Вместо пролога

– Мамочка, мамочка, смотри, какая девочка!

Светлоголовый мальчик лет пяти одной рукой тянул за подол платья совсем юную маму, а другой указывал на стоявшую у ворот детсада малышку с длинными шоколадными косичками.

Ольга, следуя привычке работников детсада судить о детях по их родителям, бросила взгляд не столько на девочку, сколько на державшую ее за руку молодую женщину в черном строгом костюме. У нее были гладко зачесанные цвета спелой вишни волосы, собранные сзади в огромный узел, отчего голова казалась гордо поднятой. Костюм плотно облегал высокую стройную фигуру. Узкая юбка чуть ниже колен не скрывала великолепные сильные ноги. Ноги балерины, отметила про себя с завистью Ольга, сама некогда занимавшаяся в балетном кружке. Как раз ее ноги, слегка полноватые, не устроили преподавателей.

Она перевела взгляд на девочку и была поражена разительным сходством с мамой. Такие же густые, судя по толщине косичек, волосы, тоненькая, но не хилая фигурка и прямые ножки.

– Губа у тебя, мой зайчик, не дура, – наконец ответила она сыну.

Но он уже не слышал ее. Не спуская глаз с девочки, он бочком, однако довольно смело, направлялся к ней.

Девочка слышала слова мальчика, и ей понравилось, что они относились к ней. Она с гордостью взглянула на маму, но та в этот момент спрашивала, где найти заведующую, и не слышала, что сказал мальчик. А когда девочка увидела, что мальчик идет к ним, она почувствовала беспокойство, и ей захотелось спрятаться за маму, но не сделала это, а лишь прижалась к ее руке, продолжая, однако, наблюдать исподтишка за ним. Она обратила внимание, что он был крупным и аккуратно одетым, и это понравилось ей, но, чтобы не показывать это ему, подошедшему совсем близко, она демонстративно уставилась в сторону от него.

Он терпеливо дождался, когда она, наконец, остановила на нем взгляд огромных зеленых в золотистых крапинках глаз, затем протянул ей руку и сказал:

– Я Костя Верхов. А тебя как зовут?

В его глазах было столько дружелюбия и доброты, что девочка отстранилась от маминой руки, выпрямилась и ответила, потупив взгляд:

– Я Надя Зорина.

Так как ее правая рука была зажата в маминой руке, то она протянула ему левую, отчего рукопожатия у них не получилось, и они соприкоснулись лишь кончиками пальцев, но Костя все же сумел на миг сдавить их своими.

– Ты будешь в моей группе? – спросил он с надеждой.

Надины плечики приподнялись и опустились, и она опять посмотрела на маму, которая на этот раз обратила внимание на мальчика.

Какое у него серьезное лицо и чистые, как родничок, глаза, подумала Наталья Сергеевна, отметив также уже наметившиеся черты мужской красоты: прямую осанку, ямочку на подбородке, темные в разлет брови и крупные кудри довольно длинных русых волос. Нередко возникавшее у нее желание иметь сына сейчас ярко вспыхнуло, и рука сама потянулась к головке ребенка.

– И как же тебя зовут? – спросила она ласково, трогая его кудри.

– Костик, – ответила подошедшая к ним Ольга. – Он так назван в честь его обоих дедушек. – Она улыбнулась так искренне и мило, а улыбка ей очень шла, что это неожиданно для Натальи Сергеевны ей понравилось, хотя лицо ее осталось непроницаемым. – А вы знаете, я вдруг открыла в себе, что, кажется, не буду привередливой свекровью, если самый первый

выбор моего сына сразу пришелся мне по душе. Иногда мне хочется иметь дочь, и сейчас мне показалось, именно такую, как ваша. Только вы не подумайте, ради бога, что Костик у нас такой ловеласик. Скорее наоборот, девочек он совсем не жалуется. А тут вдруг на него что-то нашло. Ведь разглядел, оценил и сам подошел. Надо же! Настоящий мужчина! А вы привели дочку в садик? Сколько ей лет? Четыре есть? Хорошо бы ее записали в одну группку с Кости-ком. Ой, извините, я не представилась. Меня зовут Ольга Константиновна, можно просто Оля. Я работаю здесь музыкальным работником. Из самой, к сожалению, ничего путного не вышло, зато я люблю выявлять и развивать музыкальные способности у детей. У Костика слух есть и совсем неплохой, но он у нас больше читать любит. А еще может считать. Цены в магазине складывает лучше меня, правда. Ой, что-то я слишком расхвалила его, как будто сватаю вам. А вы кем работаете? Я еще даже не знаю, как вас зовут, а уже вся изболталась.

Слушая Ольгу, Наталья Сергеевна вначале раза два нахмурилась, однако, приглядевшись к ней повнимательнее, а главное, почувствовав, что от нее исходит неподдельные добродушные, она заулыбалась и не только представилась, а, удивляясь себе, рассказала, что Наде через полтора месяца исполнится четыре года, что совсем недавно они переехали в трехкомнатную квартиру в этом квартале, и что школа, где они с мужем работают, он – учителем истории, а она – математики, находится теперь даже ближе к дому, и что единственное неудобство – это то, что дочь приходится отдавать в детский садик, так как теперь сидеть с ней некому: бабушка, мама Натальи Сергеевны, два месяца назад умерла, а больше никого у них здесь нет. Ольга хотела возразить, что, напротив, Наденьке полезно перед школой походить в садик, чтобы пообщаться к коллективу, но в это время вдали показалась заведующая, и женщины с сожалением вынуждены были расстаться.

– А где же наши дети? – опомнилась и забеспокоилась Наталья Сергеевна, озираясь вокруг.

– Мой знакомит вашу с игровой площадкой. Костик! Веди сюда Наденьку!

Дети подошли, держась за руки. Матери, улыбаясь, переглянулись, однако во взгляде Натальи Сергеевны была некоторая настороженность: рано еще дочери дружить с мальчиком.

– Очень хороший мальчик, – проговорила, как бы читая ее мысли, пожилая полная заведующая, глядя вслед Ольге и Косте. – Я тридцать лет работаю с детьми и, как правило, не ошибаюсь в своих предсказаниях о будущем ребенка. Я не только гены имею в виду, хотя они играют немаловажную роль, а свое первое интуитивное впечатление. И вот, когда я смотрю на Костю, я не могу избавиться от чувства, что передо мной необычно светлый ребенок. И очень умненький. Вы не представляете, в неполные три года он знал наизусть «Бородино». Можно, конечно, говорить о редкой памяти, но вы бы слышали, как он читает! Схватывает все нюансы стихотворения, для его возраста казалось бы непосильного.

Надю определили в Костину группу. Он был несказанно рад этому и не отходил от нее ни на шаг. Она, в свою очередь, с удовольствием играла с ним.

А вскоре сошлись и их родители. Встречавшиеся почти ежедневно в саду мамы неизменно перекидывались парой слов, а иногда и делились житейскими проблемами, поглядывая на игравших рядом детей. Приблизительно месяца через два после их знакомства Наталья Сергеевна поинтересовалась у Ольги (кстати, они так и обращались друг к другу: одна по имени-отчеству, другая – просто по имени), есть ли в саду группа-продленка, где можно было бы оставить дочь после работы часа на три-четыре. Ей, сообщила она, неожиданно предложили два билета в Большой театр на «Аиду».

– О чем речь? – ответила Ольга. – Я с удовольствием возьму Наденьку к себе. Костик с ума сойдет от радости. А группы такой нет. Вроде бы собираются открыть после Нового года.

Наталья Сергеевна не любила быть обязанной кому бы то ни было, но другого выхода у нее не было: знакомыми, кроме Ольги, на новом месте она еще не обзавелась. Она расстроганно поблагодарила, пробормотав о своем теперь вечном долге и пообещав вернуться из театра поскорее.

Но сделать это им не удалось. Такси они не поймали, только потратили время, пригородная электричка ушла перед самым носом, и они появились у Верховых далеко за полночь. Каково же было их удивление, когда они увидели накрытый стол. Особенно настойчив был в уговорах остаться Костин папа, Алексей Константинович («Ну, пожалуйста, хотя бы на полчаса, пожалуйста»), который им обоим сразу понравился. Он был настолько высок и широк в плечах и к тому же начал сидеть, что в сравнении с ним сухой и поджарый Дмитрий Иванович со своими метр семьдесят пять казался подростком. Но на мужественном лице Алексея Константиновича была такая радушная улыбка, а глаза так искренне умоляли, что устоять было невозможно. К тому же дети сладко спали, Надя на Костиной кровати, а он сам на тахте рядом, завтра был выходной, и они остались. Уже после первой рюмки Алексей Константинович предложил им перейти на «ты» и без отчества, мотивируя тем, что в доме у него бывают только близкие друзья. Не смогла это сделать только Наталья Сергеевна, и, глядя на нее, Ольга. Но на них мужчины махнули рукой. Дмитрий Иванович при этом рассказал, что его жена даже родную мать на вы называла.

– У них это в крови, – пояснил он не без гордости. – Она у меня, видите ли, потомок старинного дворянского рода, кстати, из этих мест. Одна ее девичья фамилия что стоила: Ланская-Кильштетова. Да она мне по гроб жизни должна быть благодарна за то, что я ее сделал простой советской гражданкой Зориной. Как звучит, а? Конечно, пришлось изрядно потрудиться над ее перевоспитанием. Она ведь и меня до самой свадьбы на вы величала. Я ее, бывало, целую, а она, закрыв глаза, шепчет: «Как вам не стыдно, Дима».

– Дима, как тебе не стыдно! – вспыхнула Наталья Сергеевна, и ее голос утонул в дружном хохоте.

В стену кухни постучали чем-то железным, наверное, сковородой, и послышался возмущенный женский голос:

– Как вам не стыдно!

Даже Наталья Сергеевна прыснула и испуганно приглушила смех ладонью.

– А недавно мы выезжали на пикник, – не унимался, переходя на шепот, Дмитрий Иванович. – У речки Наташа увидела змею и страшно испугалась. Через какое-то время к этому месту подошел пьяный мужик из местных, как и положено, в жару в фуфайке и кирзовых сапогах. Чтобы его предостеречь, она крикнула, «Эй, вы, мужик! Там, где вы стоите, змеи!», на что он ответил, что они ему без надобности. Это мой свободный перевод его матерного языка. А она его на вы, как Маяковский: «Эй вы, небо! Снимите шляпу!».

– Дима, обижусь, – предупредила уже серьезно Наталья Сергеевна. – Ты же сам прекрасно видишь, что тебе нельзя много пить.

– Упустить такой случай? Где я еще смогу не только попробовать, но и напиться виски и джина с тоником. Где ты их выкопал, друг Алеша? Покажи такой клад.

– Привез из командировки. Нам по роду службы иногда приходится вылетать за рубеж.

– На выставки своих картин? То-то все стены увешаны ими. Хотя на них одни пейзажи, но что-то в них твое, мужское.

– Это я так, балуюсь. Вообще-то я летчик-испытатель.

– Такой большой? Ты же в самолет не влезешь.

– Поэтому я и испытываю в основном грузовые самолеты, там места хватает.

Когда они выпили за то, чтобы число посадок равнялось числу взлетов, выпила вместе со всеми и непьющая Наталья Сергеевна. Она с уважением глядела на улыбавшуюся Ольгу

и думала о том, что сама не смогла бы быть женой летчика, тем более испытателя. Жить в вечном страхе за его жизнь и не показывать это – для этого требуется не меньшее мужество.

Ей все больше нравилась эта пара. С какой любовью и нежностью они относились друг к другу, словно только что встретились и влюбились без памяти.

– А я всего лишь простой учитель, – вздохнул Дмитрий Иванович. – Пошел по стопам своего отца, преподавателя истории в институте, мечтавшего написать правдивую и доступную для простого народа историю России в эдаком художественном изложении. Всю жизнь отец собирал материал и даже много написал, да закончить не успел – умер за рабочим столом от инфаркта. Предчувствуя кончину, он завещал мне закончить его труд. Мне в ту пору шел шестнадцатый год. Пришлось пойти на исторический факультет того же института. Талантом отцовским бог меня не наградил, сына нет, выходит, больше некому исполнить волю отца. Утешает лишь то, что на основе материала, который имеется, и не такой дуб, как я, напишет. Слушай, а ты портреты не рисуешь? А то бы я мог тебя нагрузить работой. Мне рисунки в моей книге понадобятся.

Алексей Константинович махнул непонятно головой и рукой и вдруг исчез в другой комнате, откуда вернулся с тремя листами бумаги.

– Я тут, пока вас не было, подзаялся детьми. Дал им бумагу, карандаш и заставил рисовать меня, показав предварительно Наденьке, как это делается.

Не дожидаясь, когда они перестанут ахать над портретом дочери, он положил на стол два других листа.

По портрету, нарисованному Костей, было заметно, что у него уже есть опыт рисования, чувствовалась уверенность в линиях. Но Алексей Константинович на его рисунке был просто дядей с усами, зато на рисунке Нади был именно он, большой и добрый, а, к примеру, не Дмитрий Иванович, худой и веселый.

– Чувствуете разницу? – спросил крайне довольный Алексей Константинович.

Гости не сразу поняли, чему он радуется.

– Чувствуем, – неуверенно согласился Дмитрий Иванович. – На рисунке дочери ты больше похож на себя.

– А я о чем? Я же об этом и говорю. Талант! А Костя мой ремесленник. Нет у него изюминки. А у нее есть. Я к чему? Прошу учесть при дальнейшем ее воспитании. Надо развить эту способность.

– И учитывать тут нечего, – живо возразил Дмитрий Иванович. – Ты и будешь ее первым учителем рисования. А у твоего Константина, говорят, тяга к математике. Так им займется моя Наталья, она у меня математик, а я обучу его столярному делу. К этому делу у меня особое пристрастие. Я мечтаю занять когда-нибудь свои шесть соток. Когда – никогда я их получу, и тогда мы с Костей всю мебель сами смастерим. А Оля, чтобы не скучать, научит Надюху играть на пианино. Чем черт не шутит, может, и здесь что получится. Она у нас поет неплохо.

Возражений не было, и выпили на посошок.

– Разве с участком проблема? – поинтересовался Алексей Константинович в прихожей.

– Третий год РОНО обещаниями кормит.

– Возьми мой под Бронницами. У меня он пятый год пустует. Для меня он, как чемодан без ручки. И бросить жалко и знаю, что все равно его не потяну – нет времени. И Оленька особого желания возиться на нем не проявляет. Не буду, говорит, весь день стоять кверху задом. Поэтому, бога ради, заberi его, если у тебя мечта такая.

– Что значит, заberi? – обиделся Дмитрий Иванович. – Я тебе не нищий, а учитель и даже говорят, неплохой. У меня и деньги есть.

– Никаких денег. Одно условие: мы изредка будем приезжать, чтобы Костя смог побыть на воздухе. Да и лишние рабочие руки тебе не помешают.

Они ударили по рукам и обнялись.

Утром Дмитрий Иванович, страдая от головной боли, спросил жену:

– Ты не помнишь, чем у нас закончился диалог насчет участка? О чем мы договорились?

– Именно диалог двух пьяных мужиков. Вот у него самого и спроси. Если и он что помнит.

– Пойду за Надюхой и спрошу.

– Проспал ты дочь, я уже привела ее. Не хотела, чтобы вы продолжили знакомство. Завтра у нас педсовет, забыл? Спросишь в другой раз.

Но уже на следующий день, окунувшись в работу, Дмитрий Иванович все забыл. В конце недели в перерыве перед третьим уроком его попросили к телефону.

– Второй раз звонит, – сказала учительница по географии.

– Не звонит, а звонит, – едва сдержал себя он, чтобы поправить ее. Скажешь – еще обидится, она мне в матери годится, да и как человек она хорошая. Но так тоже нельзя – с детьми работает.

– Дмитрий? Привет, это Алексей. Со своей стороны я все уладил. Дело за тобой.

Кто такой Алексей, пытался вспомнить Дмитрий Иванович, и о каком деле идет речь?

– Что молчишь? Уже передумал?

– Вы это о чем?

– Разве мы уже на вы? А я думал, мы друзья навеки. Я насчет садового участка. Забыл?

У Дмитрия Ивановича чуть не выпала из руки трубка. Ему стало стыдно за то, что он посчитал их договоренность пьяной болтовней.

– Леша, друг, прости, бога ради, не узнал. С этими сопляками мать родную не узнаешь. Представляешь, только что на уроке к косичкам одной ученицы привязали за ниточку двух тараканов. Один залез ей под платье, с ней истерика, урок сорван, класс в восторге, а я, как видишь, в трансе. Даже тебя не узнал.

– Тараканы – это что-то новое, – засмеялся Алексей Константинович. – Я англичанке в седьмом классе лягушку в сумку положил. Она в обморок упала, когда та ей на грудь прыгнула.

– Интересно, интересно. Как же тебя наказали? Случаем не исключили?

– Мать каким-то образом уговорила не исключать. Ну, так как? Берешь участок?

– При условии, что Костя все лето будет с нами, – ответил Дмитрий Иванович, не веря своему счастью.

Уже в воскресенье он был на участке и прикидывал, где что строить. Надя и Костя носились по участку, как цыплята.

А через месяц, когда Верховы были в Малом театре, Наталья Сергеевна, наконец, занялась Костей. Как и положено, для детей ее возраста, она спросила у него, сколько будет два и три.

– Чего? – переспросил он. – Рублей?

– Почему только рублей? Все, что угодно: игрушек, детей в садике, деревьев.

– А мама моя заставляет меня считать рубли. «Костик, спрашивает она магазине, сколько будет четыреста грамм по три шестьдесят – это за колбасу, плюс два раза по тридцать шесть – это за молоко и еще восемнадцать и тринадцать – это за хлеб и девяносто за сахар». Никак сама не сможет сосчитать, – усмехнулся Костя.

– И ты ей помогаешь считать? Так сколько же будет то, что ты сейчас перечислил?

Костя пошевелил пальчиками, глянул вверх и ответил:

– Три рубля тридцать семь копеек. Если мама даст четыре рубля, ей должны дать сдачу шестьдесят три копейки.

Наталья Сергеевна попыталась проверить его, сходу не сумела и, застыдившись, поцеловала мальчика в кудри.

– Ему уже сейчас надо идти в третий класс, – решительно заявила она Ольге. – Его срочно нужно отдавать в школу. Я с директором договорюсь.

– Зачем? Учиться он еще успеет, а ребенком уже никогда не будет, – возразила та. – И вы его совсем не знаете. Он такой баловный.

– Баловным он должен быть, как всякий ребенок. Но Костя ваш особенный и к школе может перезреть, и тогда учиться ему с первоклассниками будет не интересно. У одной моей знакомой с сыном так и случилось. В два года он уже мог читать.

– А Костик в два с половиной.

– Не важно. Его мама тоже считала, что отдавать в школу рано. И что получилось? Он стал посмеиваться над одноклассниками, дерзить учительнице, уроки, конечно, не учил. Сначала его перевели в другой класс, потом в другую школу. А там вышло еще хуже. От безделья он связался со шпаной, не закончил даже семь классов и в четырнадцать лет попал в исправительно-трудовую колонию.

– Ой, какие страсти вы рассказываете, – рассмеялась, но и призадумалась Ольга. – То же самое мне говорит и заведующая. Ей очень нравится, как Костя читает стихи. Сейчас она заставляет его учить «Мцыри» к октябрьским праздникам. Так он уже почти выучил. Вчера целый час читал мне наизусть. Но там ведь такие страсти! Это, оказывается, исповедь мальчика перед смертью. Интересная тема для ребенка!

– Ну вот, видите! Дальше еще не то может быть, – настаивала Наталья Сергеевна.

– А вы свою Наденьку отдадите вместе с ним в школу?

– Надя-то тут причем? Она нормальный ребенок. У нее нет таких способностей.

– Это у Наденьки их нет? – возмутилась Ольга. – Как вам не стыдно быть такой несправедливой к своей родной дочери? А как она рисует! А какой у нее музыкальный слух! Хотя вы сами прекрасно знаете, как она поет. Но я с вами серьезно буду говорить о ее способностях к балету. Мне вы можете верить.

Наталья Сергеевна рассмеялась.

– Не путайте божий дар с яичницей. Одно дело быть просто развитой и совсем другое – иметь редкие способности.

– Для первого класса она уже достаточно развита. Читать она тоже умеет. А считать вы ее подучите. Одним словом, отдам Костика в школу только вместе с вашей дочерью. Без нее он сам не пойдет.

– Но она же моложе его больше, чем на год. Ее просто не возьмут. Ей нет еще четырех лет.

– Ничего, мы подождем. На следующий год и отдадим.

Так и порешили. Через год Костя в уме решал уравнения, а Надя считала до ста. Но, несмотря на это, в школу ее не приняли, так как ей не было даже пяти. Как Костя ни сопротивлялся, его отвели в первый класс, откуда он сбежал после первого урока. На следующий день его отвели опять, но через неделю вынуждены были забрать домой: он так и не ответил ни на один вопрос учительницы.

Расстроилась лишь одна Наталья Сергеевна, Ольга – больше для вида. Тогда на общем семейном совете было решено посвятить год общеобразовательному воспитанию детей: музыке, рисованию, танцам, английскому языку. Для языка наняли преподавателя, а остальным занялись сами в полном соответствии с планом, намеченным Дмитрием Ивановичем. Сам он, будучи бегуном и моржом, взялся за физическое воспитание детей: безжалостно поднимал их по утрам и гнал на речку. За год до проруби дело не дошло, но в пруду Костя с удовольствием купался до октября.

В школу дети пошли, как на праздник, и учились, словно соревнуясь, на одни пятерки. Даже беда, случившаяся в семье Верховых, не отразилась на их учебе.

А беда оказалась непоправимой, к тому же была не одна.

Сначала остался без работы Алексей Константинович. Завод, на котором он проработал двадцать лет, прекратил производство самолетов, был приватизирован, разграблен, а рабочие были выброшены на улицу. Перед этим зарплату не платили по полгода. Деньги, лежавшие на сберкнижке, на которые раньше Алексей Константинович мог купить пять машин или прожить безбедно до пенсии, обесценившись, превратились в копейки. Ему, вынужденному заняться извозом на своей «Волге» после безуспешных попыток найти работу по специальности, уже через месяц конкуренты пробили голову, а машину подожгли. Лишившись этой своей кормилицы, он совсем пал духом.

И тут заболела Ольга. У нее открылась болезнь, лучшим лекарством от которой, как сказали врачи, был бы воздух швейцарских Альп или, на худой конец, крымских гор. В этом случае они гарантировали ей пять-десять лет, а там, глядишь, и полное выздоровление.

На Алексея Константиновича страшно было смотреть, он постарел лет на двадцать и похудел на столько же килограмм.

– Садовый участок твой, – сказал ему Дмитрий Иванович. – Завтра развешу объявления. Я уже интересовался, сколько за него могут дать. Плохо, что конъюнктура сейчас на участки не та, что была раньше. Сейчас многие от них избавляются, а скупают в основном спекулянты. Главное, эти совсем не смотрят на строения, а лишь на расстояние от Москвы, близость пруда и подъезд к участку. Но тысячи три долларов можно получить.

– А мне нужно, как минимум, тысяч десять – пятнадцать, чтобы хотя бы год продержать Оленьку в санатории. – Только тут до Алексея Константиновича дошло. – Что за чушь ты несешь! Вся беда в том, что Крым теперь не наш. Кто бы мог подумать об этом еще пять лет назад!

Его слова были для Дмитрия Ивановича солью на открытую рану.

– Господи! – воскликнул он, возведя руки к потолку. – Бедная Россия! Какие же кретины тобой правили и правят в последнее время! Один, не зная истории завоевания и присоединения Крыма к России, отнял его у России и не понятно, зачем подарил его Украине. Другой, предавшись Западу, порушил все великие завоевания и достижения Советского Союза, подвел его к распаду, а третий по прямому указанию американского президента завершил распад империи, создаваемой в течение многих веков. Ни один правитель Российского государства за всю ее историю ни разу не отдал без боя и пяди родной земли, а все они лишь помышляли о расширении ее границ. И вот, спустя тысячу лет нашелся безумец, который порушил все в одночасье. Я говорю о Ельцине и Беловежском сговоре. Поговаривают, что он там был в доску пьяным. И самое страшное, его считают героем.

Они сидели в квартире Зориных вдвоем (Наталья Сергеевна с дочерью все вечера проводила у Ольги). На столе перед ними стояла наполовину пустая бутылка водки, банка с солеными огурцами со своего огорода.

– Никак я не ухвачу замысел этого кошмара. В семнадцатом он заключался в попытке поделить на всех имущество богатых, отсюда и лозунг «Грабь награбленное!». А сейчас обратно что ли: «Грабь народное достояние!», имея в виду природные богатства: нефть, газ, руду, – а также заводы и фабрики, построенные потом и кровью народа? Опять, значит, с одной стороны, кучка богатых, а у нас за такой короткий период ими могли стать только проходимцы в политике, бандиты и воры, и, с другой стороны, нищий народ?

Дмитрий Иванович налил в обе рюмки, поднял свою и вдруг поставил. Он поднялся и достал из ящика письменного стола лист бумаги.

– Уверен, ты знаешь, кто такой Даллес, – сказал он, возвращаясь на место.

– Еще бы мне не знать, – живо отозвался Алексей Константинович. – Из-за него я чуть не провалился на вступительных экзаменах в летное училище, назвав его председателем КГБ Англии.

– Я долго не понимал, что творится в стране, пока один мой знакомый дипломат не дал мне прочесть вот эту бумажку с планом Даллеса, написанным в конце войны Гитлером. Пораженный героизмом и сплоченностью советских людей и убедившись, что Советский Союз в открытом противостоянии Америке ни за что не победить, Даллес разработал диверсионный план войны против нас, заключающийся в оболванивании и одурачивании советских людей. На эту войну, пишет он, Америка должна бросить все золото, всю свою материальную мощь. Расчет при этом он делал на то, что – читаю дословно: «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим в них верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России». И надо признать, Америка их нашла не только среди гнилой интеллигенции, но даже среди высшего руководства СССР, имея в виду Горбачева, а Ельцин вообще стал ее холуем. Но читаю дальше. «Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность. Литература, театры, кино будут отображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдя способ их оболгать и объявить отбросами общества... Главную ставку мы будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем». И опять следует признать, что практически все один к одному им удалось осуществить. Советского Союза больше нет, на очереди исчезновение России как самостоятельного государства и превращение ее в сырьевой придаток Запада. А для добычи и переработки сырья достаточно, чтобы в ней осталось не более двадцати-тридцати миллионов человек. Уже в прошлом году, когда был порушен Советский Союз, смертность в России впервые превысила рождаемость, в результате чего население сразу уменьшилось на полмиллиона человек. В этом году, как мне сказали демографы, по их прогнозам, смертность в России взлетит в полтора раза по сравнению с серединой восьмидесятых годов, и численность населения уменьшится уже на шестьсот тысяч человек. Так что до тридцати миллионов человек Западу не так уж долго придется ждать. Поэтому я перестал писать книгу об истории Руси, так как не вижу ее будущего.

– Разве ты ее не закончил? Насколько я помню, ты давно отнес рукопись в издательство.

– Отнес я еще три года назад. Тогда у меня была хоть какая-то надежда, что все не так трагично. Но за это время у редакции существенно изменился взгляд на историю России. Белое стало черным, а черное белым. А я не захотел и не хочу ничего менять во взглядах отца.

К тому же я сам так думаю и имею свой взгляд на происшедшие в стране события, прямо противоположный взглядам редакции. А в других издательствах берутся печатать, но за мой счет.

– Не они тебе заплатят, а ты им?

– Или богатый спонсор, но такого у меня нет. К тому же у него должен быть мой взгляд на историю. А в одном издательстве мне прямо заявили: «Кому на хрен нужна твоя история Руси? Через десять лет от Руси даже названия не останется».

– Ну, уж этого они не дождутся. – Но в голосе Алексея Константиновича не было уверенности. Он замолчал и затем проговорил с печалью в голосе. – Десять лет для меня сейчас – целая вечность. Оленька мечтает о внучке. Вчера сказала: «Поддержать бы ее на руках – тогда и можно умирать».

– Она уже знает?

– Чувствует. Вчера оценили мою квартиру в десять тысяч долларов. Я спрашиваю, сколько это рублей, они отвечают, что рубли их не интересуют.

– Сейчас все наше обесценилось до предела. Даже дом правительства называют, как в Америке, Белым домом. А язык политиков? Ваучер, секвестер, саммит, консенсус. Черт, язык ломаешь. Даже в обращении друг к другу копируют Запад. Берут интервью у восьмидесятилетнего академика, и сопляк-репортер обращается к нему по имени, не ведая, что унижает собеседника как русского человека, тем более старшего, отнимая у него отчество, а вместе с ним и отечество. Ведь только у нас принято и подчеркивается первородство и значимость отца. Не Алексей Верхов, а Алексей Константинович, иными словами Константинов сын. Я абсолютно уверен, хоть режь меня на части, это делается для уничтожения русской духовности и, в конечном счете, великой русской нации по плану Даллеса. Державы уже нет, осталось уничтожить нацию. Недавно один деятель, фамилию я его не помню и не хочу знать, но она точно не Иванов, похвалялся тем, что у него в крови сто национальностей: «Я не знаю, кто я, мне все равно». Ему жить все равно, где, – там, где выгоднее. А мне Дмитрию, сыну русского Ивана Зорина, не безразлично, где я живу и какой я национальности. Я горжусь тем, что я родился и живу в России, а не в этой стране. Здесь я и помру. А ты заметил, Алексей, что слово Родина исчезло из нашего лексикона? Потому что оно говорит о связи человека с родной землей. У нас даже гимна нормального не стало. Нет страны – нет и гимна.

Разволновавшийся Дмитрий Иванович взял протянутую молчаливым другом рюмку, выпил и, уставившись на него, вдруг вспомнил:

– Слушай, совсем забыл. Вчера Наташа высказала дельную мысль. Ее институтская подруга живет в Симферополе и всю жизнь мечтает перебраться в Москву. А сейчас, пишет, русским там совсем нелегко стало. Вот тоже больная тема: дискриминация русских в бывших союзных республиках, даже в славянской Украине, откуда зародилась Русь. А попробуй обидеть кого здесь, сразу обзовут русофилом. Но это к слову. Так вот, с этой Ларисой возможна масса вариантов. Но при любом из них Костя должен остаться здесь и продолжать учиться. Наташа его не отпустит. На самый крайний случай он будет жить у нас. Места хватит. А потом, бог даст, женится на Надюхе.

Но все вышло лучше. Лариса, личная жизнь которой не сложилась, заняла в квартире Верховых две комнаты из трех, взяв на себя расход по квартплате и содержанию Кости. Родители Ларисы, сдав квартиросъемщикам две комнаты в Симферополе, обязались оплачивать лечение Ольги в горном санатории. А Алексей Константинович мог жить на их даче в десяти километрах от этого санатория. Но ему повезло. Буквально на следующий день после приезда в санаторий ему предложили работу в частной авиакомпании по перевозке грузов за границей.

Через полтора месяца он прилетел в Москву и положил на счет Дмитрия Ивановича две тысячи долларов, сказав:

– На всякий случай, если со мной что случится. Будь другом, не забудь Ольгу и Костю.

По дороге обратно, он, воспользовавшись весенними каникулами, на три дня забрал с собой Наталью Сергеевну и обоих детей.

Увидев их, Ольга забыла про болезнь.

Затем Алексей Константинович вдруг исчез. В последнем письме Ольга сообщила, что не имеет от него вестей больше двух месяцев. Она даже не знала название компании, где он работает. Не знал этого и Дмитрий Иванович. Лишь Костя вспомнил, как отец несколько раз звонил в Крым, спрашивая: «Это Крымэйр»? С помощью отца Ларисы удалось отыскать телефон этой компании, но никто на звонки не отвечал. Съездив по адресу, отец узнал, что компания обанкротилась. Кто-то слышал, что с ее единственным самолетом произошла неприятность: или он разбился или его сбили в Африке. Ничего не прояснили и письма, направленные Дмитрием Ивановичем в Украинское летное агентство, откуда просто не ответили. Ездил он и в Аэрофлот. Ему подтвердили, что самолеты частных компаний часто разбиваются по техническим причинам, а иногда, если они перевозят грузы в конфликтных странах, их нередко сбивают. Как правило, владельцы таких компаний скрывают подобные случаи.

Дмитрий Иванович съездил вместе с Костей к Ольге, чтобы ее как-то успокоить. Он нашел ее в ужасном состоянии и понял, что она долго не протянет. Костя не хотел возвращаться, но она настояла: «Папа хотел, чтобы ты поступил в институт», а у Дмитрия Ивановича спросила, когда прощались:

– Вы его не бросите? Ведь после меня у него, кроме вас, больше никого из родных не останется. Разве что Алешина сестра под Воронежем. В крайнем случае, отвезите его к ней.

Дмитрий Иванович заметил, как у Кости побелели и заходили желваки.

– Оля, ты говоришь глупость, – придавая твердость голосу, проговорил он. – Давай, быстрее поправляйся и возвращайся домой. Надюха по тебе очень скучает.

– Вы хотя бы ее фотокарточку мне прислали. Я бы каждую минуту на нее любовалась.

– В следующий раз приедем к тебе все вместе, – пообещал Дмитрий Иванович, целуя ее в щеку.

В аэропорту, сославшись на живот, он отлучился от Кости на пять минут и попытался узнать в справочной, сколько стоит транспортировка гроба в Москву.

– Вы имеете в виду с покойником? – спросила участливо кассир.

Он чуть не ответил «с покойницей», но лишь молча кивнул.

– В свинцовом гробу около тысячи долларов. А сколько он сам будет стоить! Если уговорите взять обычным, будет дешевле. Но не знаю, сколько с вас возьмут тамошники. Вы теперь для нас другое государство.

Это последнее замечание кассира больно кольнуло Дмитрия Ивановича. Столько русских жизней было отдано за Крым и Севастополь, и теперь они не принадлежали России! Это не укладывалось в голове.

Естественно, моментально в разы возросла плата за пребывание Ольги в санатории как гражданки другого государства. Денег у родителей Ларисы не стало хватать. А брать их из долларов, оставленных Алексеем Константиновичем, Дмитрий Иванович не хотел. Но пришлось, так как личных сбережений у него давно не осталось, и его семья давно жила от зарплаты до зарплаты, экономя на каждой копейке. Да и зарплату стали выдавать с длительными задержками. Иногда ему удавалось подработать на ремонте машин в гараже и извозе, несмотря на страх жены и его тоже из-за того, что сделали с Алексеем Константиновичем и его машиной. После того, как дважды ему отказались заплатить, пригрозив пришить, он стал развозить газеты по утрам на велосипеде, а летом принялся выращивать помидоры с огурцами и прода-

вать на местном рынке. Но и здесь оказалась жесткая конкуренция со стороны деревенских. Утешало то, что голод его семья пока не испытывала, но к этому дело шло.

Деньги на поездку в Крым он заработал, помогая строить соседу хозблок на садовом участке.

Забыв об издании книги, он, тем не менее, продолжал делать заметки о происходивших в стране событиях, которые, как ему казалось, осознал окончательно. По этой причине вскоре и вовсе бросил писать – не поднималась рука.

Единственным утешением и радостью для Дмитрия Ивановича и жены оставались Надя и Костя, которые по-прежнему были неразлучны.

Глава первая

Надя где-то прочитала, что беда не приходит в одиночку. В этом она убедилась на Костиных родителях и очень переживала.

А она сама вдруг вступила в полосу везений. Одни сплошные радости и самая большая из них та, что Костя сделал ей предложение, и они помолвились. Теперь они по праву считаются женихом и невестой, а не просто дружат, как раньше. Свадьбу они решили сыграть через год и одиннадцать месяцев, когда ей исполнится восемнадцать лет. К тому времени они уже перейдут на третий курс. Это ее вторая радость. Костя и она поступили в свои институты. Его без экзаменов зачислили на физико-математический факультет МГУ, где его хорошо знали как призера олимпиад юных талантов.

Как и он, она тоже окончила школу с отличием и все равно боялась, что не поступит, потому что сейчас, как все говорят, главное, не отличный аттестат, а лишь бы были деньги, желательно доллары. А их у нее никогда не было, и надеяться приходилось только на себя.

Как дедушка и папа, она тоже решила преподавать историю России. То, что это ее призвание, она поняла, когда помогала папе писать его книгу. И даже надумала сама написать историю древней Руси для детей с былинами, сказками и своими картинками. А также с разговорной речью того времени, используя язык летописи, как у Соловьева. Он ей хорошо помог на экзамене. Когда она привела из него несколько цитат, экзаменаторы были сражены наповал. Так, что напрасно она боялась.

Больше всех радовался ее поступлению в институт Костя. Он подарил ей рюкзак, модный у старшеклассниц и студентов.

Сама же она надумала преподнести ему особый подарок.

Это, может быть, будет ее третьей большой радостью.

Если бы она только знала во что она, эта радость, обернется!

Все началось с того, что Костя повез ее в фотоателье. Он собирался слетать к тете Оле, которая давно просила прислать ей Надину фотографию, теперь уже невестину.

Чтобы выглядеть лучше и взрослее, Надя надела мамино вечернее платье, которое ей очень шло. Наверное, платье произвело впечатление на не по возрасту юркого фотографа, который долго и внимательно разглядывал Надю, оттопырив языком нижнюю губу и быстро-быстро двигая по – кроличьему челюстью. Несколько раз он подходил к ней, поворачивая голову из стороны в сторону и перекидывая толстую и длинную косу со спины на грудь и обратно. Уже много лет ему не попадались косы вообще, не говоря о такой гигантской. Когда Надя сидела на стуле, коса касалась пола. И он начал щелкать фотоаппаратом, перегоняя Надю со стула на диван, с дивана к стене, от стены опять на стул. При этом он заставлял ее все время улыбаться, против чего она не возражала, так как знала, что у нее ровные зубы. Но тут она вспомнила, что на фотографии она должна выглядеть взрослой и серьезной, и остановила фотографа:

– Послушайте, что вы делаете? Я не хочу так фотографироваться. Я хочу выглядеть совсем по-другому. Вот так.

Она села на стул, приподняла голову и, сделав серьезное лицо, уставилась, не мигая на фотографа.

Он замер, его серые усы поднялись к носу, обнажив прокуренные зубы, и было непонятно, улыбнулся он или сморщил нос. Не сходя с места, он навел на нее фотоаппарат и щелкнул.

– Идеальный снимок, для некролога, – сказал он. – Надо было сразу предупредить, для какой цели тебе фотография. А теперь я все же хотел бы запечатлеть тебя на улице, если ты

не против того, чтобы красоваться на выставке в Париже и на обложках модных журналов. Меня, правда, слегка смущает твое платье. Мамино?

– Да, мамино, – с вызовом ответила Надя, однако неведомая сила подняла ее и повела на улицу вслед за фотографом.

Шагнувшему ей навстречу Косте она шепнула:

– Потом расскажу.

На улице Орест – так назвала фотографа девушка в регистратуре – снял Надю в людской толпе, за столиком кафе и в проеме двери жилого дома. Здесь он снимал ее особенно долго и очень сердился, когда она делала не так. Наконец он выпустил из рук фотоаппарат, который остался висеть на выступавшем животе, и сказал:

– На сегодня хватит. Знаешь, как я назову последний кадр? «На первое свидание в маминном платье». Неплохо, а? – Его усы опять коснулись носа, но на этот раз было видно, что он улыбнулся. – Должен получиться хороший снимок. У тебя, крошка, к твоему сведению, на редкость выразительная и фотогеничная мордашка. В сочетании с природной красотой такое встречается не так уж часто. За двадцать лет работы мне попадалось не больше десятка таких женских лиц. Кстати, все мои клиентки оставались довольны встречей со мной. Их фотографии красовались на обложках ««Огонька» и «работницы». Иной возможности в те годы не было. Сейчас выбор несравним, и надеюсь, тебе повезет больше. Только ты в следующий раз приди уж, пожалуйста, в другом наряде. Хотя это платье красивое и мне нравится, но оно немного не в духе времени. У тебя какие параметры?

– Вы имеете в виду рост?

– Рост я и сам вижу. – Орест подошел к Наде и, глядя снизу вверх, оценил. – Чуть больше метра семидесяти пяти. Минимальный стандарт роста красавицы. Не ошибся?

Она молча кивнула. Она все еще стеснялась своего роста. Вот и сейчас она была на полголовы выше мужчины.

– Я имею в виду, детка, твою грудь, талию и, извини, бедра. Ты их хоть когда-нибудь замеряла?

Надя покраснела. Она не привыкла говорить на такую тему и, кроме того, стыдилась своей налитой груди.

– Все понятно, лапка. Если у тебя примерно 90 на 60 на 90, то для начала выход в финал Мисс Подмоскovie я тебе гарантирую. Я уже не говорю о шансах стать моделью у Юдашкина или Зайцева, с ними обоими я на «ты». Надеюсь, ты еще не замужем? – Я выхожу замуж в следующем году, – приврала она.

– Слава богу, что не в этом. Не за того ли, с кем пришла?

– Да, за него, – рассердилась Надя. Ей не понравился тон Ореста. – Вам-то какое дело? Меня ваши конкурсы несколько не интересуют, и участвовать в них я не собираюсь.

Она решительно направилась в сторону фотоателье. Орест решительно преградил ей дорогу.

– Я, малышка, с тобой не шучу. Для тебя крайне важно не упустить время. У тебя неплохие природные данные. Но над ними нужно серьезно работать. Не обижайся, но ты выглядишь сейчас, как только что от сохи. Без опытного консультанта тебе никак не обойтись.

– Одного такого консультанта недавно показывали по телевизору, – сказала Надя и чуть не добавила, что тот чем-то походил на Ореста. Такой же старый и шустрый. – Девушка очень подробно рассказывала, что он с ней вытворял. Не на ту напали, дяденька.

Она обогнула Ореста и почти побежала от него.

– Наденька, что происходит, в конце концов? – занервничал Костя. – Что ему от тебя нужно?

Она не успела ответить, как подошел Орест и кивком головы велел ей следовать за ним. Он подвел ее к столу регистратуры и что-то шепнул девушке, указывая на Надю, а ей бросил перед тем, как скрыться в своем кабинете:

– Придешь за фотографиями сама, как договорились.

Ей хотелось ответить, что они ни о чем не договорились, и он ее не дожидается, но очень уж она хотела увидеть себя на фотографиях и лишь мысленно показала ему язык.

Девушка, которую Надя с первого взгляда отнесла к красавицам, заполняя квитанцию несколько раз изучающее посмотрела на нее. Видя, что Надя достает деньги, она сказала:

– Платить ничего не нужно. Разве Орест не сказал, что пробует тебя на фотомодель? Если ты пройдешь, тебе крупно повезет. Орест – известный мастер-фотограф, его знают не только в России, но и за рубежом.

Всю неделю Надя нет-нет да вспоминала свой разговор с фотографом. Она ловила себя на том, что ее тянуло к зеркалу, и она внимательно разглядывала свое лицо, вертя головой и перекидывая косу, как это делал он. До сих пор она мало обращала внимание на свою внешность, ее вполне устраивало, что она не хуже других. Признанных красавиц она в расчет не брала, потому что они, как правило, не могли похвалиться успехами в учебе. А для Нади учеба была важнее всего, ее обязанность – быть лучшей ученицей, чтобы не отставать от Кости и не позорить своих родителей, учителей этой же школы.

Первым, кто назвал ее красивой был, конечно, Костя. Она до сих пор слышит его крик: «Мамочка, смотри, какая девочка!» А недавно он сказал, что она самая красивая девушка на свете. Но его слова она в расчет не брала, потому что как невеста, а теперь уже и как будущая жена она обязана быть для него самой красивой, как и он для нее. Что касается его, тут она нисколько не кривила душой. Он и вправду всегда выделялся среди ребят не только умом, но и внешностью. Она же не слепая, она видит, как на него засматриваются девчонки в школе. Если бы только смотрели, а то еще и нагло пристают. На выпускном вечере вообще с ума посходили, одна за другой ему в любви объяснялись. К ней тоже ребята приставали, но, слава богу, не так много. Отчасти потому, что побаивались Костиных кулаков.

У него уже в восьмом классе был разряд по боксу, а сейчас еще по дзюдо и кунфу, не считая по биатлону. А после того, как он избил Эрика Дагаева за то, что тот попытался распутить руки (даже вспоминать противно), как привык это делать с другими девчонками, на нее и смотреть в школе боялись. А это ее никогда и не интересовало – кроме Кости ей никто не нужен. Для нее самое главное, чтобы она нравилась ему такой, какая она есть. Иногда ей, конечно, хотелось быть покрасивее, но как это сделать, она не знала, а краситься и пудриться не умела. А тем, что на нее в последнее время заглядываются на улице, она совсем не обольщалась, зная, что мужчины смотрят на всех молоденьких девушек одинаково.

Однако слова Ореста почему-то запали ей в душу. Она чувствовала, что ему можно верить.

Она попыталась отыскать на своем лице выразительность, о котором он говорил, и пришла к выводу, что, скорее всего, он имел в виду ее слегка припухлые губы. Ей часто говорили, что у нее притягивающая улыбка. А может, Орест подразумевал ее глаза, меняющие цвет в зависимости от настроения. Когда она сердилась, они темнели до цвета моря и зеленели по-весеннему, когда она смеялась. Ей самой они не нравились, она хотела, чтобы они были голубыми, как у Кости, или черными, как у мамы, зато у нее были пушистые ресницы.

И уж совсем она не знала, что делало ее лицо фотогеничным, но ей было приятно, что Орест находил его таким.

Замерила она и свои параметры. Они оказались очень близкими к названным Орестом цифрам, а талия была даже уже. Бедра – тик в тик, вот только грудь, как ни выдыхай, была

больше девяноста. Зато она была правильной формы и не болталась при беге во все стороны, как у других.

Еще менее требовательна была она к одежде. Одевала ее мама, отличавшаяся строгим вкусом во всем. Ее любимыми цветами были черный и белый, реже синий. «У вас вкус монахини, – говорила ей тетя Оля. – Наденьку-то зачем так одеваете? Она ведь девочка», и дарила Наде на каждый день рождения яркие платья. Но мама заставляла дочь ходить в школу только в темно-синем строгом платье, напоминавшем старую школьную форму. Лишь последние два года, когда Надя подросла и ее фигура оформилась, мама стала отдавать ей свои блузки и юбки, слегка их подправляя. Да и на покупку новых вещей у них совсем не стало денег.

Купальник у Нади также был мамин. Лифчик был тесноват, но ей нравилось, что он сплюсцивал грудь, и она не так бросалась в глаза.

Сначала она отбросила мысль пойти в ателье в купальнике, потому что не собиралась демонстрировать себя в нем. В последний же момент взяла и надела его. На всякий случай, сказала она себе.

Она не сразу узнала себя на фотографии, выставленной на витрине фотоателье, зато сразу поняла, что такое фотогеничность. Это когда все лучшее в человеке фокусируется на его лице. Когда невозможно отвести взгляд. Она никогда не видела себя такой красивой и не представляла, что может быть такой. Особенно притягивали широко распахнутые, цвета майской зелени глаза, взгляд которых наряду с серьезностью был по-детски жизнерадостным и как бы говорил: «Смотрите, какая я стала».

Это была та самая фотография, предназначавшаяся для тети Оли.

«Господи, неужели это я? – подумала Надя и, чтобы удостовериться в этом провела ладонью по лицу.

– Взгляни, какая милая девочка, – услышала она мужской голос сзади себя. – На редкость приятное личико.

Она обернулась и увидела мужчину интеллигентного вида, показывавшего глазами на ее портрет молодой женщине в элегантном ярко-розовом костюме. Та взглянула на фотографию, ответила:

– Да, прелестная девочка, ничего не скажешь.

Наде нетерпимо захотелось сказать им, что это она на фотографии, и поблагодарить за хорошие слова. Сдержав себя, она молча отступила в сторону и открыла дверь в фотоателье.

Уже знакомая девушка широко улыбнулась ей и громко крикнула:

– Орест, к тебе! – А Наде шепнула: – Он тебя с утра ожидает. От твоей фотографии мужики балдеют. Второй день, как выставили, отбоя от них нет. Просят твой телефон или домашний адрес. Я же тебе говорила, Орест – великий мастер. Иди, зовет.

Орест молча подал Наде кипу фотографий, и у нее разбежались глаза. Она тотчас стала откладывать наиболее понравившиеся снимки в надежде, что удастся получить их бесплатно. Денег у нее, как всегда, не было. А нравились ей почти все фотографии. Вот только немного портило впечатление одно и то же платье.

– Можно я возьму те, которых здесь по две? – робко спросила она.

Он быстро отобрал несколько снимков, остальные придвинул к ней.

– Бери.

Она мгновенно сунула их в сумочку, мысленно прикинув, сколько они стоят – не меньше тысячи рублей. А они с Костей никак не могли решить, сколько заказывать: два или три снимка.

Набравшись смелости, она спросила:

– Почему здесь нет «На первое свидание в мамином платье»? Не получилось?

Орест исчез в соседней комнате и вернулся, держа двумя руками огромную, величиной с лист ватмана, фотографию. Надя тотчас подумала о тете Оле, спросила, нет ли лишней.

– Получишь после выставки, – ответил он. – Раньше нельзя. Таковы правила. Ты в купальнике?

– Только я раздеваться не буду. Я пришла лишь за фотографиями.

– Ты в каком веке живешь? Очнись, солнышко мое! Сейчас на красоте зарабатывают бешенные деньги. А тебе даже надеть нечего. Взгляни на себя со стороны. Кто сейчас так ходит? Ты же в этом наряде, как доярка в день выборов. Попробуй догадайся, что у тебя там под юбкой. Кто твои родители?

Пытавшаяся представить доярку Надя машинально ответила, что родители преподают в школе.

Не стыдно сидеть на их шее? Не жалко их?

– Что вы от меня хотите? – крикнула она со слезами на глазах.

Орест вынул из кармана кошелек и положил перед Надей деньги. Она бросила на них взгляд, сказала поспешно:

– Я не возьму.

– Согласен, что мало. Если дело с тобой пойдет, получится с Парижем и конкурсом красоты, ты будешь получать по триста за минуту работы. С таким феноменом я сталкиваюсь впервые. В жизни ты собой ничего не представляешь. Галка тебя эффектнее, а на фотографии не она, а ты притягиваешь, как магнит. Слушай, может, тебе в кино податься? Ах, да, там сейчас без порно не обойтись.

Надя поднялась, отодвинув деньги.

– Спасибо за фотографии. До свидания.

– Фотографии на стол! – рявкнул Орест. – Или за каждую по сотне. Нет, по сто двадцать! Как всем! Гони две тысячи!

Она вернулась к столу и с каменным лицом стала вынимать фотографии из сумочки.

– Все вынула? А теперь засовывай назад. Ты на меня не обижайся. Для меня одинаково – что ты, молодуха, что дряхлая старуха. Подожди, я сейчас. – Он принес из соседней комнаты такую же большую фотографию, на которой была снята согнутая в три погибели старуха, просящая милостыню в переходе метро. На ее морщинистом лице было столько горя, скорби и мольбы, что у Нади защемило сердце. – Пошлю в Париж в паре с твоей фотографией под девизом «Плата за жизнь». Хороший контраст твоему портрету. Наверное, в твои годы она была такой же красивой. Если ее портрет получит приз, обеспечу ее на всю оставшуюся короткую жизнь и поставлю памятник, как она просила. Так что не выпендривайся. Я сейчас позову Галку. Она когда-то сама пыталась счастье в различных конкурсах, но у нее выпуклости оказались не на том месте, где нужно.

«Не догола же я разденусь, – сказала себе Надя. – В случае чего буду кричать». И она сдалась, когда вошла Галя и выгнала Ореста.

– Если у нее кривые ноги и рыхлые ляжки, можешь меня не звать, – буркнул тот, уходя. Глаза Гали, когда она замеряла Надю, говорили больше, чем слова.

– Я сейчас позову Ореста, – сказала она. – Ты его не бойся. Там на тебя смотреть будут тысячи.

Она усадила Ореста на стул, а Надю заставила пройти вдоль стены. Надя прошла, не спуская глаз с Гали. Глаза Олега забегали по ее точеной фигуре. Он поднес ко рту зажженный конец сигареты и вскрикнул. Надя споткнулась, взмахнула рукой и с ужасом увидела падающий на пол лифчик. Галя метнулась к нему, и девушки столкнулись лбами. Пока они потирали ушибленные места, Орест поднял лифчик и, ухмыляясь, протянул его Наде.

– Ты бюстгальтер уронила. Надень, бесстыдница.

Потом она смеялась вместе с ними над этим эпизодом, раскрепостившим ее, и план подготовки к конкурсу красоты они обсудили в непринужденной обстановке.

Когда Надя собиралась уходить, Галя взяла деньги со стола, пересчитала их и сказала Оресту:

– Добавь двести, не жидись.

Он скривился, что-то пробурчал, но добавил. Надя взяла деньги.

Они оказались очень кстати. Пятьсот рублей – сумма, показавшаяся ей огромной вначале и оказавшаяся мизерной, когда она поехала на вещевой рынок. Список покупок у нее получился длинным, потому что в нем она не забыла никого.

У входа на рынок, она увидела киоск с канцтоварами. Заглянув в список, она попросила подать десять общих тетрадей Косте и себе, две пачки писчей бумаги для папиной и своей рукописей и четыре набора ручек и карандашей для всех.

– С тебя триста рублей, красавица, – сказал ей продавец-южанин.

Надя достала из кошелька пять орестовых бумажек, взяла три и уставилась на продавца.

– Эй, почему не берешь? – закричал он ей вслед. – Ты что, жадная? Давай двести пятьдесят. Двести!

Недавно она уже прикидывала в книжном магазине, сколько это будет стоить, и у нее получилось около семидесяти рублей.

Она правильно делала, что из-за Эрика не любила кавказцев. Ну, и наглые!

Ее денег едва хватило на ботинки Косте, туфли маме и две рамки под фотографии для тети Оли.

И тут она представила, сколько она сможет купить, если ее портрет получит приз и она победит на конкурсе красоты. Первый отборочный тур на конкурс «Мисс Подмосковья» она уже прошла, второй должен состояться в сентябре, а затем финал в октябре. Костя об этом узнает, если она станет победительницей. Свою победу она преподнесет ему, как свадебный подарок.

Этот день у нее выдался хлопотливым. Была пятница последней декады августа. Утром она съездила в институт за студенческим билетом и списала расписание занятий. Вернувшись, она полдня занималась уборкой квартиры и стиркой.

Родители были на садовом участке, завершали дела перед школой. Завтра вечером должен был прилететь Костя, и они поедут к родителям расслабиться перед первым сентября. Сегодня вечером он должен позвонить и сообщить, каким рейсом прилетит. Она обязательно поедет его встречать.

Звонок раздался, когда она стирала в ванной. Она вытерла руки и подбежала к телефону.

– Здравствуй, сказала она. – Когда прилетаешь?

Но это был не Костя. Вместо него она услышала незнакомый мужской голос.

– Добрый день, Надя. Только я прилечу к вам не на самолете, а на «Мерседесе».

Надя ничего не поняла.

– Вы, простите, кто? Я вас не знаю.

– Зато мы вас хорошо знаем. Из рассказа Ореста Орестовича. По его рекомендации я вам и звоню. Наш Дом моделей набирает красивых девушек на работу, а ваш портрет нас просто потряс. Я бы не смог с вами встретиться на несколько минут? Портрет портретом, но я бы хотел взглянуть на вас хоть одним глазом перед тем, как решать, приглашать ли вас на просмотр. Дело в том, что желающих слишком много, а время у знаменитостей, входящих в состав жюри, ограничено.

– Я так сразу не могу решить, – возразила Надя. – Я должна поговорить с Орестом Орестовичем и, кроме того, не уверена, что у меня будет свободное время.

– Вы совершенно напрасно беспокоитесь. Времени это требует не так уж много, один-два вечера в месяц, зато мы хорошо платим. Лишние деньги, думаю, вам не помешают, родители ваши, мы знаем, зарплату не регулярно получают. Однако разговор об этом будет бесполезным, пока мы вас не увидим и не решим, подходите вы нам или нет. Мне достаточно одного взгляда на вас. Поверьте, у меня есть определенный опыт, я сам изредка выступаю моделью. Так как, договорились?

– Я должна куда-нибудь подъехать? – спросила Надя, глядя на часы.

– Вам никуда ехать не нужно. Я сам подъеду к вашему дому, если вы назовете свой адрес. Она назвала, и они договорились встретиться через час.

Уже имея опыт демонстрации, она воспользовалась отсутствием мамы, надела мини-юбку и блузку с заметным вырезом. Подойдя к зеркалу, слегка подкрасила губы, как ее учила Галя. Ей она и позвонила, чтобы узнать, на месте ли Орест. Та ответила, что он в Москве и сегодня уже не будет, и поинтересовалась, зачем он ей.

– Меня приглашают работать моделью. Говорят, порекомендовал Орест. Он ничего не говорил?

– Тобой интересовались многие, в основном кобели. Один представлялся корреспондентом какого-то журнала, другой – кинорежиссером. Симпатичный негр клялся, что он чей-то король, я их всех отправляла к Оресту. А что за Дом моделей?

– Через полчаса встречаюсь с этим человеком. Попробую узнать.

– Будь осторожна. Никуда с ним не езд. После обязательно позвони мне.

Из дома Надя вышла чуть раньше. Возле коммерческого ларька, где они договорились встретиться, никого не было. Слегка обрадовавшись этому, она подошла к витрине и стала рассматривать этикетки на бутылках. Несколько раз она поворачивала голову на звук приближавшейся машины, но они проезжали мимо.

– Надя?

Она вздрогнула и испуганно уставилась на красивого белозубого парня, выглядывавшего из зеленой иномарки. Она не могла понять, как ему удалось так бесшумно подъехать.

– Я не ошибся? – повторил он, вылезая из машины.

– Нет, не ошиблись.

– Меня зовут Стас – Он протянул руку. – В жизни вы оказались еще прелестней, чем на фотографии. Вы сегодня можете принять участие в просмотре?

– Сегодня? Так сразу?

– Профессиональный опыт. Я же говорил вам, что я сам модельер.

– Не будет ли сегодня поздно? Уже седьмой час.

– Начало в восемь. Я за вами заеду в семь сорок пять и привезу обратно через час. А пока мне нужны ваши данные, чтобы внести в список: фамилия, имя, возраст.

У нее округлились глаза, когда он разорвал на две половины десятирублевую купюру. На половинке, которую он протянул ей, были написаны его имя и телефон.

Она еще забежала в магазин, где купила булку и молоко. Гале она позвонила около семи, но та уже ушла. Дважды она звонила ей домой, однако к телефону никто не подошел.

Её смутило, что в машине, кроме Стаса, находились еще двое: Рыжий с неприятным тупым лицом рядом с ней на заднем сиденье и почти подросток с кудрявыми волосами на переднем, а когда Стас представил их членами жюри, и она увидела ухмылку на лице

Рыжего, у нее закралось подозрение, быстро переросшее в тревогу. Увидев, что машина повернула от центра города, она спросила:

– Куда мы едем? Там уже окраина.

– На минутку заедем в одно место, – не поворачивая головы, ответил Стас.

– Тревожное чувство уже не покидало ее. Она продолжала смотреть в окошко, ожидая, когда машина остановится.

– И все же, куда мы едем? – спросила она вновь.

Машина вдруг резко остановилась. Пока Надя отыскивала ручку дверцы, кудрявый выскочил из машины, открыл дверцу с ее стороны и, с силой оттолкнув ее к середине сиденья, уселся рядом. Машина, подпрыгнув, рванула с места.

– Выпустите меня! – закричала Надя. – Я дальше не поеду с вами. Я вернусь домой.

– Смотря, как пройдет проба, – сказал Рыжий, обнимая ее за плечи и прижимая к себе.

У него было не лицо, настоящее рыло, а изо рта исходил запах тухлых яиц.

Надя скинула его руку и крикнула Стасу:

– Остановите машину! Или я буду кричать!

В ту же минуту огромная лапа Рыжего зажала ей рот. Она вцепилась обеими руками в его пальцы, пытаясь оторвать их ото рта. Ей удалось слегка сдвинуть их, и она впилась зубами в толстый соленый палец. Рыжий взревел и другой рукой дернул ее за косу вниз. Вскрикнув от боли, она разжала зубы.

– Заткни ей пасть, – сердито сказал Стас, швыряя через плечо тряпку.

Кудрявый поймал тряпку и сунул ее в раскрытый в крике Надин рот.

– На-ка пососи, – засмеялся он.

Тряпка воняла бензином, Надю тотчас затошнило, запрокинутое вверх лицо стало наливаться кровью. Её нога, с которой соскочила туфля, метнулась к окошку дверцы рядом с головой кудрявого, чтобы выдавить стекло, но тому удалось перехватить ногу и обеими руками прижать к себе. Другая Надина нога была зажата внизу ногой Рыжего, и лицо кудрявого оказалось как раз у ее промежности. Урча от удовольствия, он стал водить лицом по внутренней стороне ее ляжек и ложбинке между ними. Надя вцепилась обеими руками ему в волосы и сумела оттолкнуть его голову к дверце. Он начал недовольно попискивать, а когда она, освобождая прижатую ногу, рванулась всем телом и нечаянно двинула его локтем в глаз, он прямо-таки завизжал по-пороссячи.

– Молодец, Надюша! Бей их, насильников. Не доставайся никому, только мне одному.

Укушенный за палец разъяренный Рыжий ударил Надю по лицу, развернул ее голову и вдавил вниз своего живота. Затем он накинул ей на затылок заднюю полу жакета вместе с блузкой. Зубами он оторвал от блузки клочок и стал перевязывать кровоточащий палец.

– Ну, падла, ты мне дорого за него заплатишь, – пригрозил он. – Живой я тебя не выпущу.

Он растегнул на ее спине лифчик и, просунув руку, больно ушибнул грудь. Ее руки, которые она тщетно пыталась высвободить, он придавил локтями, а животом еще сильнее прижал ее голову к коленям. Она и так задыхалась от запаха бензина, а тут совсем стало нечем дышать.

– Тихо! – приказал Стас. – Пост ГАИ. Уложите ее на пол и следите, чтобы не пикнула.

Она, как рыба, втягивала носом воздух и молила бога, чтобы милиция остановила машину. «Господи, спаси меня и помилуй, – шептала она. – Зачем я поехала с ними? Что скажу я маме?» Костю она даже в мыслях боялась упоминать, чувствуя свою вину перед ним.

Она не представляла, куда ее везут, но осознавала, что ее там ожидает ужасное.

Однако это началось раньше.

– Кролик, проверь, нет ли у нее точки, – сказал Стас кудрявому.

Для того эти слова стали сигналом к действию. Он тут же приподнял подол ее юбки, прорвал ногтем колготки и, сдвинув перемычку трусиков, вонзил указательный палец в межножье девушки.

От режущей боли у Нади вырвался пронзительный вопль, тело ее подпрыгнуло и забилося, словно в припадке. Лежа на ней. Кролик хохотал и всеми силами удерживал внутри ее палец, цепляя его за скользкие стенки щели. Не в силах пересилить боль, она перестала сопротивляться и затихла.

Наконец Кролик вынул палец, поднес его к глазам и опять зашелся в смехе.

– О, ё-моё, что я наделал? – проговорил он, подражая герою рекламного ролика. – Кажется, я ей целку сломал.

– Во дает, падла. Пальцем что ли? – удивился Рыжий.

– Вот этим. Видишь кровь?

Машина вильнула и остановилась. Стас повернулся к ним, глаза его бешено сверкнули. Его ладонь молотком пригвоздила голову Кролика к спинке сиденья.

– Если ты до нее еще раз дотронешься, я тебе муде вырву, понял? – прошипел он.

– Тогда держи ее сам, – огрызнулся тот, отпуская Надю.

Поспешил убрать руку, истязавшую Надину грудь, и Рыжий. Она быстро вынула изо рта кляп, жадно вдохнула несколько раз воздух и, повернувшись к Кролику, ударила его по щеке.

– Гадина, – сказала она с отвращением. – Выпусти меня сейчас же.

Он бросил взгляд на Стаса и поднял ноги. Дрожащими руками она открыла дверцу и даже успела перекинуть через порожек ногу. Однако в тот момент, когда, приподнявшись, она намеревалась выскочить, Стас поймал ее за косу и с силой рванул к себе.

– Куда? Мы так не договаривались. А просмотр? – оскалив зубы, спросил он. Ее голова оказалась зажатой в проеме переднего сиденья, левая нога подвернулась. От невыносимой боли у нее потемнело в глазах. Изо рта вырвался стон.

Стас еще дважды дернул за косу, глядя на искаженное лицо Нади, затем резко оттолкнул ее голову.. Цепляясь за сиденье руками, она выпрямилась и высвободила подвернутую ногу. Ее вторую ногу Кролик втянул в машину и захлопнул дверцу.

– Извини, пришлось дотронуться, – спаясничал он, глядя на Стаса.

Тот протянул конец косы Рыжему.

– На, держи. Будет вырываться, отрывай вместе с головой. Упорная попалась, блядь.

Рыжий намотал косу Нади на руку и стал водить головой Нади вправо-влево, вверх-вниз. Её прекрасное юное лицо с закрытыми глазами и ручейками слез сейчас походило на маску смерти. Чтобы уменьшить боль, она уперлась обеими руками в заднее сиденье и поднимала тело вслед за рукой бандита. Он одобрительно хихикнул:

– Так, правильно. Уже подмахиваешь, падла.

Раздавшийся телефонный звонок походил на соловьиную трель. Стас вытянул антенну и поднес к уху трубку.

– Да, я. Оба со мной. А что случилось? Можно чуть позже, через час, два? Понятно. Есть. Едем немедленно. – Он выругался. – Приезжает сам, кого полгода Альберт не мог заманить. Две телки там есть. Что будем делать с этой? Отпускать ее, как я понимаю из-за того, что натворил Кролик, теперь уже нельзя. Она это дело так не оставит, очень ретивая, да и жаль отпускать будущую Мисс Подмосковье.

– Никак нельзя отпускать, – поддакнул Рыжий. – Должок за ней, падла.

– А ты, Кролик, что скажешь?

– Меня это теперь ни с какой стороны не колышет. Мне до нее касаться не велено.

– Еще как заколышет, когда Альберт узнает, что ты сделал. Он не любит, когда его опережают. Прощайся с ушами. Второй раз они не выдержат.

– А когда он узнает, что ты, как Берия, ловишь телок на улице и возишь на дачу его сестры, он тебе яйца отрежет.

Машина со свистом тормознула, и Стас попытался достать Кролика, но Рыжий сунул между ними руку.

Надя, воспользовавшись тем, что Рыжий отпустил ее, выпрямилась, попросила, прерывисто дыша:

– Выпустите меня, пожалуйста. Я ничего дурного вам не сделаю. – В упавшей тишине было слышно лишь тиканье указателя поворота. Кролик хихикнул:

– Нам надо, чтобы о ней не узнал Альберт, – сказал Рыжий. – Сунем ее во флигель. Он сроду туда не ходит.

– А узнает, скажем, ему привезли, – добавил Стас.

Надя опять попыталась открыть дверцу, но Рыжий притянул ее к себе за косу и вдавил в колени.

Машина остановилась после этого совсем скоро. В окно Надя увидела двухэтажный особняк с пристройками по бокам. На нижнем этаже ярко горел свет.

– Мы отвлечем Альберта, – сказал Стас Рыжему, – а ты отведешь ее во флигель. Будет буянить – присмири, но не насмерть. Не тебя учить. Ты охранник.

Он и Кролик вылезли из машины и направились к дому. Открыл дверцу о своей стороны и Рыжий. Надя хотела нагнуться, чтобы отыскать потерянную туфлю, но Рыжий не дал ей пошевелиться.

– Я потеряла туфлю, – сказала она. – Разрешите мне найти.

– На х.. она тебе нужна? Там без туфель обойдешься, гы-гы.

– Разрешите мне найти туфлю, – настаивала она, поглядывая посторонам. В соседнем доме метрах в ста светились окна.

– Ладно, падла, ищи, – вдруг согласился Рыжий и стал закуривать. – Только без шума. Пикнешь – придушу.

Она быстро отыскала туфлю, но не надела, а зажала в руке.

– Нашла?

– Да, нашла.

Он потянул за косу и полез в дверцу. Надя тоже вылезла и встала рядом. Он был выше ее, и удар туфель по его морде получился с хорошим размахом. Его рука с косой метнулась вверх, и в этот момент она со всей силы двинула локтем ему между ног, как учил Костя. Рыжий согнулся пополам. Она стала бить его по голове каблуком до тех пор, пока он не опустился на колени и не стал прикрывать голову руками. Она вырвала конец косы и побежала к светлому дому. Он был окружен высоким забором. Подбежав к воротам, она застучала по ним туфель и закричала:

– Помогите! Откройте!

Она крикнула еще несколько раз, но дом безмолвствовал. Обернувшись, она увидела, что над Рыжим склонились двое, а один уже бежал к ней.

Она быстро огляделась. В конце идущей от забора дороги километрах в двух мелькали огни машин, очевидно, там было шоссе. Слева от дороги темнел лес, справа было поле с редкими кустами, а за ним тоже лес.

Подпрыгнув и натянув на бедра юбку, она побежала по дороге. Только тут она почувствовала, что на ногах нет туфель. Один она держала в руке, а другой, скорее всего, потеряла, когда убегала от Рыжего. Чудом сохранившаяся сумочка висела на плече.

Дорога была покрыта острой щебенкой, кололо ноги, и она побежала по обочине. Совсем скоро в спину ей ударил свет фар, выбросив впереди длинную тень. Она свернула в поле и побежала по скошенной траве, острой, как гвозди. Ноги сами перешли на бег на мысочках, и это снизило скорость. Она подумала о своих удобных кроссовках, в которых делала иногда утреннюю пробежку с папой. Если бы она сейчас была в них!

Мысль об отце подстегнула ее. Она всегда гордилась тем, какая она сильная и выносливая и как хорошо бегают. Однажды он даже взял ее и Костю с собой на марафон, и она продержалась рядом с ними около пяти километров.

Краем глаза она увидела, что машина проехала далеко вперед, и догадалась, что ей хотят перекрыть дорогу перед шоссе. Она обернулась и увидела троих, бежавших врассыпную с явным намерением взять ее в кольцо.

Быстро сообразив, что в открытом поле им это удастся без особого труда, она резко свернула влево и, перебежав дорогу, направилась к лесу, надеясь скрыться среди деревьев. Она не заметила небольшую канаву с водой, поскользнулась и упала на колени. Мгновенно вскочив, она выпрыгнула из канавы и едва не налетела на забор из колючей проволоки. Она стала метаться вдоль забора в надежде отыскать в нем дыру и не находила. Проволока была сплетена сплошной сеткой, ни подлезть под нее, ни перелезть через не было никакой возможности.

– Вон она! – услышала она крик.

В тот же миг ее ослепил свет фар, и она невольно прикрыла глаза руками.

– Лезь, падла, обратно, – раздался голос Рыжего.

Быстро очухался, гадина, с сожалением подумала Надя. Она отвела от глаз ладонь, но, кроме ослепительной вспышки, ничего не увидела и опять прикрыла глаза.

– Лезь, падла, я сказал.

У нее мелькнула мысль броситься на колючую проволоку и умереть, чтобы не оказаться вновь в руках бандитов. Она повернулась лицом к забору и в тот же момент от сильного рывка за косу упала на спину и заскользила по траве. Голова ее нырнула вниз, за ворот жакета, и под блузку залилась холодная вода, затем голова поползла вверх. Её ноги самопроизвольно начали отталкиваться от земли, а руками она уцепилась за косу, чтобы уменьшить натяжение и ослабить боль в голове.

Возле самой дороги ее схватили за руки, за ноги и головой вперед впихнули в машину. Там ей сунули в рот ту же вонючую тряпку, и она услышала злобный шепот Рыжего:

– За тобой два должка, падла.

Он больно ущипнул ее за сосок. На его морде виднелись кровавые подтеки.

Также за руки и ноги ее вытащили из машины и бросили на землю. Стас приподнял ее голову за волосы и начал хлестать по щекам, пока из ее глаз не полились слезы, и не стало мутиться сознание.

– А ну прекратите сейчас же!

Властный, несмотря на женскую тональность, голос принадлежал сбежавшему с крыльца дома толстому человеку в ярко-красном халате, распахнутом на огромном голом животе.

Стас демонстративно еще раз ударил Надю и, нагнувшись, шепнул:

– Будешь паинькой, если хочешь остаться живой. – Отшвырнув ее, он подошел к толстяку и сказал:

– По дороге прицепилась одна. Привезли тебе на всякий случай, может, сгодится. Совсем свежая, но буйная, блядь. Ты любишь таких.

Альберт, слишком резво для его тучного тела, подскочил к Рыжему, скользнул взглядом по крови на лице и перевязанному пальцу, также бегло взглянул на фонарь под глазом Кролика и с удивлением уставился на сидевшую на земле Надю с поджатыми ногами. Еще не совсем пришедшая в себя от избиения, с растрепанными волосами, застывшими воспаленными крас-

ными глазами на грязном лице, в вылезшей из-под юбки грязной кофте и рваных колготках, она представляла жалкое зрелище и совсем не понравилась Альберту.

Чтобы получше рассмотреть ее лицо, он нагнулся, для чего ему пришлось широко расставить ноги-тумбы, приподнял за подбородок ее голову. Возникшая было у нее с его появлением слабая надежда тут же исчезла, едва она подняла на него глаза. Его волосатый живот мешком висел над ней, едва не касаясь пахом ее лица. Она в ужасе отпрянула к машине. Но Альберт уже не видел этого. Он выпрямился и визгливо закричал на Стаса:

– Сколько раз я предупреждал тебя, чтобы ты не привозил сюда уличных шлюх. Хочешь приключений на мою жопу? Я тебе сказал, кто у нас сегодня. А если она и с ним сотворит тоже самое? Немедленно убраться! Как можно дальше и без последствий. Этого еще мне не хватало!

Восприняв слова Альберта как приказ ее отпустить, Надя быстро, как сумела, поднялась и попятилась в сторону. Но Стас преградил ей ногой дорогу.

– Боюсь, нельзя ее отпускать, – сказал он Альберту. – Этот кретин, – он указал на Кролика, – успел лишить ее невинности пальцем, чего она ему не простит, а заодно и нам. А что касается шлюхи... – Он рывком сорвал с Нади жакет вместе с кофтой и, заломив ей за спину руки, повернул лицом к Альберту. – Ты много видел таких шлюх?

Альберт подскочил вплотную к Наде и уставился на ее грудь. Он поиграл пальцами с сосками и вдруг суетливо стал снимать с нее юбку, дергая вниз. Руки Нади были заломлены за спину, она подняла ноги и толкнула Альберта в живот. Не ожидавший этого, он отпрянул назад, не устоял и, смешно взмахнув руками, сел на землю. Кролик хихикнул и вместе с Рыжим и еще одним стриженным парнем в спортивном костюме кинулся его поднимать.

– Пустите меня! – закричала Надя. – Не имеете права меня держать! Я не хочу с вами.

Еще сидя на земле, Альберт повернул голову к дому, затем к Наде, прикрыл рот ладонью, показывая, чтобы она замолчала. Но она продолжала кричать:

– Отпустите меня! Я не хочу! Помогите!

Когда Альберта подняли, он приказал свистящим шепотом:

– Запереть! И чтобы мне без звука! Завтра я сам с ней разберусь. До меня к ней не прикасаться! Шкуру спущу!

В подтверждение своих слов он подскочил к Кролику, взмахнул вверх-вниз руками, как при рубке дров, и, не глядя, как тот осел на колени, скрылся в двери.

Брыкавшуюся и кричащую Надю подняли и отнесли в пристройку слева. Там ее бросили на кровать, прижали к матрацу. Боясь, что ей опять заткнут рот вонючей тряпкой, он больше не кричала. Голая лампочка на потолке била ей прямо в глаза. Не имея возможности заслониться от света, она плотно зажмурилась, но глаза ее открывались на миг, и она видела жадные взгляды, устремленные на ее нагое по пояс тело. Наказ толстяка не трогать ее вселял в нее надежду, что они скоро уйдут.

Вдруг чьи-то руки стали стягивать с нее юбку. Это делал спортсмен. Вырвавшийся у нее крик Рыжий тут же прервал, зажав ей рот твердой, как кирпич, ладонью. Юбка не поддавалась, и спортсмен разорвал ее по шву. Снять с нее колготки и трусики ему помог Стас. Минуту ее молча разглядывали. Затем Стас сказал:

– Пошли. Голая она быстро присмирееет.

Дверь закрылась, свет погас, и Надя оказалась в полной темноте.

Она вскочила и, шаря по стене руками, стала искать выключатель. Его нигде не было. Не отыскала она и одежду, а нагота подавляла. Охватившая ее паника усилилась, когда она не обнаружила на кровати ни одеяла, ни простыни, чем можно было бы прикрыться, – один голый матрац. Она подошла к двери и потихоньку надела на ручку. Убедившись, что дверь

заперта, она залезла на кровать и сдвинула занавеску. Звездное небо было в клетку, как в тюрьме. Только там врагом номер один является время, а здесь – люди.

О том, что она не во сне, она знала. Для этого не нужно было щипать себя: слишком явственна была физическая боль, причиненная ей бандитами, особенно Кроликом, не затихавшая ни на минуту и постоянно напоминавшая о том, что самое непоправимое уже произошло. Но еще большие страдания причиняла мысль о родителях. Уже завтра вечером, не дождавшись ее с Костей, они станут сходить с ума от беспокойства и побегут в полночь звонить ей. О Косте она по-прежнему старалась не думать, ведь перед ним она виновата больше всего. Ах, какая она дура! Зачем она с ними поехала? Галя ведь ее предупреждала.

Она упала на кровать животом и стала бить по матрацу сжатыми кулаками. Вдруг ей показалось, что скрипнула дверь. Она вскочила, подбежала к двери и вцепилась в ручку. Простояв так с сильно бьющимся сердцем минуту-две, она отыскала стул, воткнула ножку в ручку и задвинула ее как можно глубже.

Заглянув в замочную скважину, она увидела метрах в пяти стену дома. Казалось, вокруг не было ни души. Она постучала костяшками пальцев по двери и по глухому стуку догадалась, что дверь была массивная, но не железная. Царапая колени, она облазила весь пол в поисках гвоздя или чего-нибудь острого, чем можно было бы вырезать замок, но ничего не нашла. Поняв, что побег отсюда невозможен и надежд на спасение нет, она опустилась на кровать. Силы стали оставлять ее. Ей стало холодно. Особенно мерзла спина. Она расплела косу и прикрыла спину волосами. Но это мало помогло. С каждой минутой становилось все холоднее. Вскоре ее начала бить дрожь. Сорвав занавеску, она накинула ее на себя и тут же сбросила: синтетика обожгла холодом. Она заставила себя бегать вдоль стены, поднимая поочередно руки и ноги. Немного согревшись, она залезла на кровать, встала на колени, нагнула голову и накрылась занавеской. Она подоткнула ее края под ноги и локти, образовав подобие палатки. Постепенно стало тепло внутри, хотя и трудно стало дышать, зато согрелась и стала не такой жесткой занавеска.

Согревшись, она выпрямилась и плотно обернула ноги занавеской. Взглянув на часы, она не поверила глазам. С момента ее выхода из дома не прошло и трех часов, а ей казалось, что минула вечность.

Часы ей подарил дядя Алеша на ее пятнадцатилетие. Он уже давно называл ее дочкой. Она тоже всю жизнь считала его родным, потому что он был Костин папа. Может, лучше, что его не хоронили, подумала она сейчас, в ее памяти он навсегда останется живым. Костя не переставал верить, что он вернется домой.

Глаза Нади налились слезами. Как ни пыталась она думать о Косте, он ни на секунду не выходил из ее головы. У нее разрывалось сердце оттого, что над их любовью, принадлежавшей только им двоим, так безжалостно надругались подонки. Но почему именно с ней это случилось? Девчонки из их класса ездят в Москву, как они говорят, на подработки в ночную смену, охотятся на дороге за водителями и жалуются, что приезжают домой, не отоварившись. А на прощальном вечере после выпускного бала, по общей договоренности еще год назад, их класс устроил групповой секс, и только они вдвоем, Костя и она, ушли домой. Их даже не уговаривали, так как знали, что они любят только друг друга. Даже слово «любят» было в их понятии совсем другим, не связанным с любовью. «Он тебя хоть целовал?» – спрашивали не раз ее девчонки и почему-то смеялись.

Да, целовал, уже могла им ответить она сейчас. Она никогда не забудет, как сладостно у нее закружилась голова, когда соприкоснулись и словно прилипли друг к другу их языки. По ее телу тогда пробежала и овладела им незнакомая ранее горячая и сладкая волна, отдавшая ее полностью во власть Кости. Не было ничего на свете, что бы она не сделала для него в те минуты. Она жадно ловила каждое движение его рук и едва сдерживала себя, чтобы не помочь им коснуться ее груди. А когда он коснулся, она испытала несказанное блаженство и расстро-

илась, когда он вдруг отпрянул от нее. Никогда прежде она не видела его таким счастливым, возбужденным и растерянным. Когда на следующий день он сделал ей предложение и она прильнула к нему, надеясь, что их поцелуй повторится, он лишь нежно коснулся губами ее щеки, избегая смотреть ей в глаза. Глупый, милый ее Костя. За это она еще больше его любила и, конечно, не сердилась на него. Но ей было бы сейчас в тысячу раз легче, если бы это произошло у них тогда.

Она вообще не помнила, когда они ругались, разве только когда он приходил с тренировки с травмой или с синяками. Слава богу, теперь в институте ему будет не до тренировок. Это тебе не школа, где он на приготовление уроков тратил не больше получаса. Жаль, что теперь они не смогут видеться каждый день. Если вообще когда-нибудь увидятся.

Она поднялась и заметалась по комнате, натываясь на холодные стены. Запутавшись ногами в соскочившей с плеч занавеске, она упала и больно ударилась о стену затылком. Долго лежала на полу, жалея, что не разбилась насмерть.

Вдруг ей невыносимо захотелось писать. На мгновение у нее мелькнула мысль, что она во сне, когда ей вот также хотелось по маленькому, и она обязательно после этого просыпалась. Она даже ущипнула себя. Увы, были все та же темнота и тот же холод.

Терпеть стало неважно, она скрестила ноги и засучила ими. Первой ее мыслью было постучать в дверь. Но, представив, как они будут ржать, стоя рядом, она решила, что лучше умрет, чем унижится перед этими нелюдьми.

Она вспомнила, что стоявшая в углу комнаты тумбочка забита газетами. Когда-то у них был котенок, и он ходил в коробку с кусочками бумаги. Она поборолась в себе стыд, представив вместо газеты морды бандитов.

Она слышала, как несколько раз подъезжали и отъезжали машины. На этот раз шум послышался под окном. Она глянула в него и увидела припаркованную машину с включенными задними фонарями. Это был «Мерседес». Она посмотрела на номер и несколько раз повторила его. Из машины вылезли двое: Стас и ...Надя не поверила глазам... Орест с умкой через плечо. Почти бегом они направились к входу. Только тут Надя обратила внимание на вторую машину. Ее номер разглядеть не удалось. Машина тоже была иностранная. В их марках Надя не разбиралась. Она только знала, что у папы «Москвич», а у дяди Алеша была «Волга», которую сожгли.

Господи, как круто изменилась жизнь в последнее время, подумала она, садясь на кровать и обертываясь занавеской. Она прекрасно помнит, когда папа и мама приходили домой веселыми, строили планы на будущее. Много денег у них никогда не было, но они несколько раз ездили на юг и в Прибалтику, могли бы чаще, если бы не дача, где им больше нравилось. Ей каждое лето предлагали путевки в пионерлагерь, но им с Костей тоже нравилось отдыхать на даче. Они только два раза были в пионерлагере: под Рязанью недалеко от дома Есенина и в Артеке. А какие детские кружки были? Любые, только выбирай и успевай ходить в них. Она хорошо помнит, когда они были бесплатными. Костя ходил в пять и она – в пять, только в разные. А сейчас, куда ни сунься, стали требовать деньги и какие! Их как раз совсем не стало хватать сначала на отдых, затем на одежду, а сейчас даже на бензин и еду. О театрах и музеях они забыли думать. А дяде Алеше, когда тетя Оля заболела, врачи прямо заявили: «Бесплатно ее лечить никто не будет. Думайте, где доставать деньги или готовьтесь к самому худшему». Вот он и надумал уехать в эту Африку.

Вспыхнувший свет вырвал из темноты цветастые обои на стене. Еще ничего не видя как следует, Нина бросилась к двери и вцепилась в дверь руками.

– Не понял, – услышала она голос. – Ты что, заперлась? Чем? Опять нарываешься? А я Борис. В спортивном костюме, помнишь? Не бойся, открой, я тебя не трону. Ты же слышала,

что шеф запретил к тебе прикасаться. А он у нас на расправу крут. Как Держиморда. У Кролика теперь уши долго лопухами висеть будут. Толян, я имею в виду твоего рыжего приятеля, шеф при мне два раза проходил по ушам. Уж как тот ни хочет тебя, а когда раздели, даже смотреть боялся. А я, извини, оторвать взгляда от тебя не мог. Такой красивой фигуры и особенно грудей я не видел. Если ты отсюда выйдешь живой, мы могли бы встречаться. Все зависит от шефа, насколько ты ему понравишься. Я имею в виду как женщина. Он может тебя озолотить. А если будешь так же себя вести, как раньше, то дела твои могут быть, мягко говоря, хреновыми. Слушай, может, откроешь, а? Поболтали бы о том, о сем. Глядишь, и время быстро пройдет. Мне ведь тоже не сладко одному. Они там баб трахают, а я их оберегаю. Обычно меня Толян сменяет, но сегодня он не совсем работоспособный. Ты ему чуть последние мозги не вышибла. С ним, я уверен, ты бы не захотела поболтать. Да и о чем? Он читает по слогам. А я стихи люблю. Их сейчас в стране никто не читает, а я сам сочиняю. Хочешь послушать? Только что сочинил, глядя на луну и думая о тебе:

Ночь опустилась на шумную землю.
Саваном лунным поляна накрыта.
Мирно живое все спит или дремлет.
Только одни мы не спим, мы... убиты.

Это я пошутил, просто не подыскал рифму. А вот это повеселее. Извини, меня зовут. Я скоро вернусь.

Пока он говорил, от света в окне Наде удалось прочесть номер и второй машины.
Услышав за дверью голоса, она прислушалась.

– Как закрылась? – закричал Стас. – Мандой что ли? Тащи лом или топор.

– Я ломать дверь не буду. Пусть Альберт мне прикажет.

– Твое дело. Ты у нас комендант.

Стас подошел к двери, подергал за ручку, сказал громко:

– Я тебя предупреждал. Теперь пеняй на себя.

Взгляд Нади упал вниз, и она увидела кровь на ноге повыше колена. Она нагнулась и поняла. Её лицо исказила ненависть. Она сжала голову кулаками и закрыла глаза. Когда она их открыла, света уже не было, а за дверью послышался голос Альберта:

– Вон все отсюда! Чтобы вашего духа здесь не было! – Застучали и остановились у дверей шлепанцы. – Надюша, голубушка вы моя. Вы меня хорошо слышите?

– Выпустите меня отсюда! Вы не имеете права меня захватывать, как чеченцы! И верните мою одежду! – одним духом выкрикнула она.

– Как же мы вас выпустим и вернем одежду, если вы закрылись? Что вы испугались? У меня сауна, прекрасный бассейн. Чудесно проведем время. У меня там две прелестные девушки, познакомьтесь с ними, определенно подружитесь.

– Не нужны мне ваши девушки. Я хочу домой!

– Хорошо, хорошо. Не хотите – не надо, воля ваша. Как говорится, скатертью дорожка. Вот ваша одежда. Открывайте и уходите. Ничего не бойтесь. Ребят я отправил, вы слышали. Я тоже уйду. Дверь снаружи открыта. До свидания. Счастливого добратья домой.

Надя не знала, что делать. Не верь ему, шептал разум, а замерзшее тело, стремление вырваться из этой темноты и побежать домой побуждали выдернуть ножку стула и распахнуть дверь. Но стоило ей представить бандитов и голого Альберта, как она сжималась в комок и предпочитала это заключение и даже смерть встрече с ними.

Вдали хлопнула дверь. Молотком отзывалось сердце в висках. Она приникла к дырке в двери и увидела свою юбку, кофту и даже сумочку, лежавшие в метре от нее. «В случае чего успею схватить их и захлопнуть дверь», – мелькнула мысль.

Как можно тише она выдвинула ножку стула, отодвинула засов, надавила на ручку и рывком распахнула дверь.

Они выросли перед ней, словно из-под земли, и страх парализовал ее. Больше всего она испугалась Стаса. Ей заломили за спину руки и повели к крыльцу, на котором Альберт придерживал открытой дверь.

Перед крыльцом она закричала и стала вырываться. Её подняли, зажали рот и внесли в дом. Та ее пронесли через несколько дверей, спустили по лестнице вниз, внесли в большую светлую комнату, положили на пол и ушли. Стас на секунду задержался, нагнулся к ней и прошептал:

– Сейчас на тебя напустят маньяка. Не дашься ему в руки – останешься живой.

Комната оказалась спортивным залом, раза в три меньше школьного, но густо заставленным различными тренажерами, рекламируемыми по телевизору. С потолка свисали кольца и канаты.

Она бросила взгляд на окна. На них были жалюзи вместо штор. Прикрыть наготу было нечем.

Скрип двери заставил ее обернуться. В зал вошел низкорослый худощавый мужчина лет сорока, одетый в бордовый халат и шлепанцы. Сделав по направлению к ней несколько шагов, он остановился и стал водить глазами, как грязной кистью, по ее телу. Она отступила назад и перекинула волосы вперед, прикрывшись ими.

Мужчина показал зубы и медленно, как в стриптизе, начал снимать халат. Швырнув его на брусья и оставшись голым, он потрогал набухший член, раскинул широко руки и, скользя ногами, как на коньках, двинулся на нее. Она отпрыгнула в сторону, но зал был не настолько велик, к тому же заставлен снарядами, и вскоре она уперлась в стену. Мужчина победно улыбнулся и решительно шагнул к ней, протягивая вперед обе руки.

Он был либо слишком пьян, либо не имел представления о страховке, а возможно, и хитрил, ей было не до раздумий. Когда он оказался совсем рядом и через секунду мог коснуться ее своими грязными лапами, она, стараясь не терять самообладания, как на ответственном экзамене, сделала навстречу ему шаг, захватила протянутую руку и, слегка присев, перекинула его через бедро. Маньяк, перевернувшись в воздухе, грохнулся на пол. Надя отскочила к середине зала, держа под прицелом не только маньяка, но и дверь, за которой, она была уверена, стояли остальные бандиты и наблюдали.

Довольно быстро поднявшийся маньяк несколько раз потряс головой и тоже глянул на дверь, явно не желая, чтобы видели его позор. С лица его исчезла улыбка, и оно стало сосредоточенным и злым. Он принял боксерскую стойку и вновь двинулся к Наде. Каждый раз, когда он приближался к ней, она отскакивала в сторону, бросая взгляд также и на дверь. Убедившись, что в нее никто не заглядывает, он всерьез стала подумывать, не воспользоваться ли ею. В словах Стаса ей почудилось желание помочь ей. В какой-то момент она не рассчитала и оказалась зажатой в углу. Маньяк громко крикнул, сделал выпад левой рукой вниз ее живота и, когда она метнула туда руки и наклонила голову, он отбросил ее вверх сильным ударом правой руки в подбородок. Не дожидаясь, когда она опомнится, он подставил ей подножку и повалил на пол. При падении она больно стукнулась виском о шведскую стенку и потеряла сознание.

Когда она открыла глаза, то увидела свои поднятые колени и плешистый затылок между ними. Она отпрянула, прижалась к шведской стенке. Маньяк, оставаясь на коленях, выпрямился и поднял красное лицо с полубезумным взглядом. Надя ухватилась руками за перекла-

дину над головой, придвинула к животу колени и со все силой, как тогда Альберта, толкнула маньяка в живот. Душераздирающий звериный рев заставил ее вскочить, и она увидела извивавшуюся на полу скрюченную фигуру.

Дверь распахнулась, в зал вбежали несколько человек и струдились над продолжавшим реветь маньяком.

Воспользовавшись тем, что на нее не обращают внимание, Надя бочком подобралась к двери и прошмыгнула в нее. Она оказалась в коридоре с еще тремя дверями. Она с ходу толкнула торцевую дверь, но она оказалась запертой. Боковая дверь рядом открылась, и Надя очутилась в комнате со столом посередине, заставленным едой и бутылками. Звучала музыка. Еще одна дверь была распахнута. Она вывела Надю в длинный узкий коридор со многими дверями. Она стала поочередно их открывать, попадая то в туалет, то в раздевалку, то в обдавшую ее жаром сауну. Заглянув в следующую дверь, она увидела плавающую в бассейне девушку.

Неестественно голубая вода, яркие цветы на подставках в виде женских обнаженных фигур, нежная мелодия и эта мирно наслаждавшаяся жизнью девушка наполняли истерзанную Надину душу такой реальной надеждой на спасение и защиту, что она рванулась всем телом навстречу купальщице и тут же отпрянула назад, словно наткнулась на колючий кустарник. В двух шагах от себя она увидела развалившегося в кресле и закатившего глаза в потолок двойника Альберта, только молодого и не такого жирного, на коленях перед ним стояла девушка и судорожно трясла наклоненной вниз головой.

– Эй, прыгай ко мне! – крикнула Наде купальщица.

Надя увидела на противоположной стороне бассейна ступеньки, ведущие вверх. Не раздумывая, она обежала Альберта – младшего с девушкой, подхватила с пола халат и поднялась по ступенькам к двери. Напрасно она поворачивала и дергала ручку – дверь не открылась.

За спиной послышались крики. Убегая от Рыжего, она поскользнулась и упала в воду. Надеясь утонуть, она открыла рот и стала глотать воду. Ее быстро подняли наверх и отнесли в тот же зал.

Маньяк сидел на матрасе, привалившись к стене. Альберт и Стас натягивали на его ноги брюки. Рыжий подтащил к нему Надю и, швырнув на пол, наступил ей ногой на горло.

Не глядя на нее, маньяк дал надеть на себя ботинки, рубашку, галстук и пиджак. Его подняли под руки. Брюки у него были растянуты, из ширинки вылезало полотенце, и это никак не увязывалось с его гневным взглядом, устремленным на Надю. Вот он махнул вверх подбородком, и Рыжий рывком поднял Надю за волосы. Лицо маньяка вдруг исказилось, он затрясся и закричал, размахивая кулаками перед ее лицом:

– Курва! Паскудина! Убить тебя мало!

В руке у него была сигарета, она обожгла ему пальцы, он хотел ее бросить и вдруг, оскалившись, ожесточенно вдавил ее в Надину грудь. Она зашлась в крике, а он, повернувшись к Альберту, бросил:

– Не мне тебя учить. Знаешь, чем рискуем оба.

Альберт приказал Рыжему:

– Изолировать! Ждать меня!

Маньяка увели. К Наде подбежал уже одетый Альберт – младший, поцокал языком и исчез.

– Добрыкалась, падла, – сказал ей весело Рыжий. – Все, падла, теперь тебе крышка.

Она это знала и молила бога, чтобы это случилось без боли. Она ее очень боялась. Это видел Рыжий и еще крепче стягивал узлы веревки, которой привязывал ее к тренажеру.

Ее истязали и насиловали непрерывно несколько часов. Один бил ее по глазам за то, что она с ненавистью смотрела на него, другой – за то, что их закрывала. Ее били за то, что она кричала от боли и за то, что молчала, стиснув зубы. Разжимая их, они сломали ей два передних зуба и в образовавшуюся щель лили вино. Потом они стали наливать его в нее внизу, засовывая бутылку. Их смех она уже не слышала – была без сознания. Но ее тело продолжало вздрагивать от боли, когда они гасили о грудь сигареты.

Очнулась она от боли в голове. Ее руки метнулись вверх, и она поняла, что висит на волосах, едва касаясь ногами пола. Она застонала.

– Тише, – прошептал рядом женский голос, и сквозь туман Надя увидела перед собой девушку, в которой узнала купальщицу. – Попытайся встать мне на спину и отвязать от каната волосы. Я не достаю.

Превозмогая боль, Надя кое-как взобралась на спину опустившейся на колени девушки и дотянулась до узла каната. Их было несколько, и сквозь них волосы уходили к потолку.

– Ну как? – нетерпеливо шепнула девушка.

– Не получается. – Надя с трудом выговаривала слова. Узлы тугие. Я не смогу.

– Тогда слезай. Я принесу нож.

Девушки не было целую вечность. Вернувшись, она протянула Наде нож и маникюрные ножницы и тут же опустилась на колени.

– Попробуй разрезать узлы. Только скорее, пожалуйста. Они ушли наверх. Могут вернуться в любую минуту. На всякий случай назови свой домашний телефон и скажи, как тебя зовут.

Надя сказала. Нож был столовый, с тупыми зазубринами, и у нее ничего не получалось: канат был слишком толст. Тогда она, не раздумывая, стала отрезать ножницами волосы.

– Умоляю, быстрее, – просила девушка. – я не могу оставаться здесь дольше. Они меня убьют, если застанут тут. Ключ висит справа от решетки. Открой ее и попробуй открыть окно. Если не получится, попытайся пролезть в форточку.

Надя отрезала последнюю прядь и спрыгнула.

– Все, спасибо. Как тебя зовут?

– Оксана. Я из Харькова. Только никому не говори мое имя. Вот, возьми халат. И верни ножницы и нож. Их нельзя оставлять здесь.

Оксана подбежала вместе с Надей к окну, помогла найти ключ.

– Спаси тебя бог и помилуй. Я бы с радостью с тобой убежала, но у нас другое дело. Прощай. Я попробую отвлечь того, кто дежурит у входа. Кажется, Борис.

Она бесшумно исчезла. Надины руки дрожали, когда она всовывала ключ в замок. Раздвинув решетку, она легко открыла окно и в следующее мгновение стояла на земле.

Ее обдало прохладой, но она ее не почувствовала. Надев халат, она вспомнила о своей одежде и сумочке, лежавших перед дверью пристройки. Она понимала, что ей нельзя задерживаться ни на секунду, но в одежде и с деньгами она могла бы быстрее добраться до дома. Не выходили из головы и ключи, без которых она не могла попасть в квартиру.

Она обогнула дом сзади и осторожно выглянула из-за угла. Нужную дверь она отыскала сразу, но ни одежды, ни сумочки на земле не обнаружила.

Было уже светло. За домом совсем близко начинался лес. Только бы не колючая проволока, подумала она и побежала прочь от этого страшного места. Совсем скоро она оказалась на берегу неширокой реки. Скинув на бегу халат и подняв его над головой, она вошла в воду.

Дно быстро ушло из-под ног, и она поплыла на спине, как учил Костя. Всего месяц назад они купались на даче.

Противоположный берег оказался обрывистым, и она несколько раз сползала в воду. Наконец она отыскала обвитое корнями место и выбралась на берег. За речкой было поле, справа виднелся лес, и над ним всходило солнце. Оно было чахлое, едва пробивалось сквозь туманные облака, но это было живое солнце! Она надела халат на мокрое дрожавшее тело и удивилась, что не чувствовала холода ни в воде, ни сейчас. Все ее тело горело от ран, даже мягкий халат причинял боль. Ей хотелось побежать навстречу солнцу, но, сообразив, что ее дом находится западнее, она повернула налево, стараясь держаться поближе к деревьям, растущим вдоль реки.

Пробежав полчаса, а может, больше, она почувствовала, что ноги окоченели. Трава была мокрая и холодная. Присев на пенек, она обернула ноги полкой халата и так просидела несколько минут.

Ее взгляд упал на часы, и она заплакала от радости оттого, что они чудом сохранились. Поднесла их к губам и вскрикнула от боли. Коснувшись пальцем губ, она нащупала осколки зубов. Она стала судорожно ощупывать их, потом закричала, упав на землю:

– Господи! Я не могу, я не хочу домой! Я хочу умереть! Почему он меня не застрелил!

В ее сознании всплыло лицо Стаса, совавшего ей в глаза пистолет.

– Ты знаешь, что такое русская рулетка? Один шанс из восьми отправиться на тот свет. А здесь два патрона. Один из четырех.

После каждого щелчка тело ее вздрагивало, независимо от воли.

– Ну ты, блядь, в рубаше родилась, – искренне удивлялся он. – Ну, уж сейчас-то...

Когда Борис отнял у него после третьего щелчка пистолет и следом прогремел выстрел, ей показалось, что пуля попала в нее, и она потеряла сознание.

Ноги сами подняли ее, и она побрела, уже не думая, куда и зачем. И тут она услышала блеяние козы. У соседей на даче была коза, и Надя любила, когда она блеяла. Она почти побежала навстречу козе и увидела домик. Маленький, полуразвалившийся, он показался ей сказочным дворцом.

В огороде возилась старушка. Увидев Надю, она выпрямилась и, опершись на лопату, уставилась на нее.

Надя приблизилась к старушке, и тут силы оставили ее. Потянув вперед руки и прошептал: «Бабушка, бабушка», она опустилась на землю.

– Господи помилуй, – перекрестилась старушка, нагибаясь над ней. – Да ты никак живая. А я уж подумала, нечистая сила. – Она ухватила Надю за руку и стала поднимать. – Теперь уже ничего, считай, что дошла. Пойдем в избу, согреешься. Да как же это тебя так угораздило?

Надя послушно поднялась и, держась за старушку, пошла в избу. Там старушка достала из-под печки валенки, сняла с веревки шерстяные носки.

– Ну-ка надень, обогрей ноги. Я как увидела, что ты босая, так и подумала о нечистой силе. Ишь что надумала, убежать из дому раздетой. Глядишь, так и придатки недолго застудить, а тебе нельзя, тебе еще рожать надо.

Надя присела на лавку и потянулась за носками. Халат распахнулся.

– Э, девка, – прищурилась старушка и погрозила Наде пальцем. – У тебя что-то не так. Я догадываюсь. Потом, когда отойдешь, поделишься. А сейчас тебе хлебнуть нужно вот что.

Она подошла к буфету, достала початую бутылку и два граненых стакана.

– Нет, нет, я не буду, – сказала Надя, – я не пью.

– А сейчас выпьешь, если хочешь прийти в себя от того, что пережила. Да тут и пить нечего, разве только понюхать. И я заодно с тобой.

– У вас не найдется чаю или теплого молочка? Я замерзла.

– Да уж я вижу. Дрожишь, как лист. Если и, правда, не пьешь, тогда зажми нос и влей залпом. Я помню, вот также впервые выпила, когда была такая же, как ты.

Надя так и сделала. Видя, как она закашлялась, старушка засмеялась беззубым ртом и тоже выпила. Она стукнула о стол дном стакана, и наблюдавшая за ней сквозь выступившие слезы Надя мгновенно потеряла чувство реальности: лицо старушки вдруг сложилось вдвое, так что острый подбородок поднялся и слился с носом. Надя закрыла глаза и подумала: «Мистика». Когда она вновь взглянула на старушку, лицо той было опять нормальным, а сама она пытливым рассматривала ее.

– Ну как, полегшало? А? Еще не дошло? Обязательно дойдет. А теперь приляг, можешь и чуток вздремнуть, пока я печь растоплю и сготовлю. А заодно и воды согрею. Ты гляди, какая ты грязная, как монжиха. Мы тут с Дусей одного монжа отходили. Совсем погибал. А сейчас ничего, выжил. Ну, давай, приляг.

– Нет, бабушка, я спать не буду. Мне нужно домой, – запротестовала Надя, с трудом шевеля языком.

– И пойдешь, только поешь и ополоснешься. Такую свинушку и в автобус не пустят.

– Я пойду пешком, у меня нет денег на билет.

– Как пешком? С ума рехнулась? Когда ж ты дойдешь до Москвы, если ты там живешь? Дотуда шестьдесят верст, почитай.

Она еще что-то говорила, но ни возражать, ни открыть глаза у Нади уже не было сил. Когда старушка повела ее к кровати, она послушно последовала за ней. И тут же куда-то провалилась.

Она услышала шум подъехавшей машины, подбежала к окну и увидела, что у подъезда остановилась дяди Алешина «Волга». Из машины вышли Костя и дядя Алеша. Значит, он не разбился, он вернулся, обрадовалась она. Заметив ее в окне, Костя весело помахал рукой и побежал к крыльцу. Надя увидела, что она голая и стала метаться в поисках, чем бы прикрыться, но ничего не находила. А на крыльце уже слышались шаги, и хлопнула дверь.

Она открыла глаза и увидела устремленные на нее черные, как уголь глаза. Они были не дяди Алешины и не Костины – светлые и добрые, а злые и жадные. Она приподняла голову и обнаружила, что одеяло валялось на полу, а халат распахнулся. Она поспешно прикрылась им и испуганно спросила:

– Вам чего?

Только сейчас она обратила внимание на то, что перед ней стоял милиционер, и даже обрадовалась, но он повернулся и быстро вышел.

Знакомое чувство тревоги овладело ею. Она слезла с кровати и подошла к окну. У крыльца стояла милицейская машина в виде фургона, и возле нее разговаривали два милиционера. Тот, который был в доме, молодой и тонконогий, что-то говорил второму, постарше и потолще, указывая глазами на окна. Увидев Надю, он изобразил улыбку, но взгляд был холодный. Она отошла от окна и в отчаянии опустилась на лавку.

В печи горел огонь, на плите стояла большая кастрюля с водой. Старушки нигде не было.

За окном раздались громкие голоса, и вскоре в дом вошла старушка и следом за ней милиционеры, которые шумно поздоровались.

– Это ко мне внучка приехала, – сказала, словно оправдываясь, старушка и подмигнула Наде. Всю ночь ехала, устала, только прилегла отдохнуть, тут вы, нечистая сила, свалились на голову.

– Всю ночь, говоришь, ехала, а отчего тогда устала? Или чем занималась? – Молодой громко засмеялся, блеснув двумя золотыми коронками по бокам рта. – А как зовут твою

внучку, бабка Насть, и какое у нее фамилие? Наверное, забыла уже? А ты молчи, – полупригрозил – полуприказал он Наде.

– А ей молчать нечего, – не дав сказать Наде, проговорила старушка. – Ее в честь меня и назвали Настеной.

– А фамилие?

– Как и у всех в нашей деревне: Иванова. Уж не как твоя нехристовая, прости меня грешную. Что она тебе задалась? Она еще ребенок.

– Паспорт есть? – спросил он у Нади

Вместо Нади опять ответила старушка:

– Какой-такой паспорт? Окстись, басурман. Я говорю, она дитя. Ей еще нет шестнадцати.

– Я бы не сказал. Ну ладно, это я пошутил. А мы, бабка Насть, к тебе, как всегда, не пустые.

Молодой взял из рук второго милиционера сумку, достал оттуда две бутылки, несколько пакетов и выложил на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.